

Интервью с Людмилой Ильиничной ГРИГОРЬЕВОЙ

«В РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ Я НИОТКУДА НЕ ПРИХОДИЛА. Я В НЕМ РОДИЛАСЬ, СФОРМИРОВАЛАСЬ И ВЫРОСЛА»

Григорьева Л. И. — окончила исторический факультет Красноярского государственного педагогического института, доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения исторического факультета этого университета. Основные области исследования: социология религии, нетрадиционные религии и культы, методология эмпирических социологических исследований. Интервью состоялось в первой половине 2013 г.

С Людмилой Григорьевой меня заочно познакомила незадолго до своей трагической гибели профессор Юлия Синелина — социолог-религиовед [1]. Ее электронное послание от 3 февраля 2013 года было коротким и интригующим: «Борис, нашла для Вашего проекта по биографиям потрясающую кандидатку. Людмила Ильинична Григорьева из Красноярска — социолог религии, доктор наук, работает методом включенного наблюдения в НРД (новые религиозные движения). Она приезжала к нам на семинар РОС, просто потрясла меня — не жизнь, а приключенческий роман. Могу дать адрес эл. почты. Юлия». Я сразу отправил Людмиле три первых вопроса и через несколько дней получил от нее ответ, объемом почти в лист. Далее я впервые нарушил собственное правило и попросил посмотреть лишь начатый текст «третьего человека». Им был А. Н. Алексеев — эксперт в области проведения наблюдений и методолог биографического анализа. Приведу фрагмент мнения Алексеева: «Текст Л. Григорьевой производит очень сильное впечатление. Она, конечно, социолог-инсайдер, милостью Божьей, по каким бы иным научным ведомствам еще не числилась. ...Этакое тождество субъекта (познания) и объекта (в смысле Ухтомского). ...Сделано ею, действительно очень много (я посмотрел еще и в интернете). С ее талантами — не так диссертации, как романы писать. Кстати, слог и стиль — на очень высоком уровне».

К концу августа интервью было завершено, - 150000 знаков. Я отправил текст редактору «Телескопа» и спросил его, как быть, обычно объем публикуемых у нас интервью вдвое меньше. Ответ М. Илле снял все проблемы: «...прочитал не отрываясь интервью с Григорьевой. Потрясающе интересно. Предлагаю опубликовать полностью, с продолжением в 5 и 6 номерах...».

ГРИГОРЬЕВА Л. И.: «В РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ Я НИ ОТКУДА НЕ ПРИХОДИЛА. Я В НЕМ РОДИЛАСЬ, СФОРМИРОВАЛАСЬ И ВЫРОСЛА»¹

Людмила, похоже, вся Ваша жизнь связана с Красноярском: здесь родились, учились, работаете. История Ваших родителей тоже столь же плотно связана с этим городом. Вы - историк, на какую глубину Вы знаете прошлое Вашего рода?

История нашего рода известна в моей семье до пятого – седьмого колена. Самые старые фотографии в семейном альбоме датируются второй половиной девятнадцатого века...

А генеалогическое древо и мемуары, составленные моими родителями, хранят не только имена людей со старинных фотографий, но и истории их жизни, яркие подробности, бытовые зарисовки.. То, что я опишу ниже, будет лишь самое общее - история семьи, написанная «крупными мазками»..

Мои мама и папа родились на противоположных полюсах бывшей Российской Империи. Папа, Илья Львович Воеводин, в буржуазной Латвии, на территории бывшего Лютенского уезда Витебской губернии, тогда – Латгалии, а мама, Элионора Абрамовна Давыдова, во Владивостоке. Год рождения обоих 1932. Встретились и поженились они в сибирском городе Красноярске, когда им было по 25 лет. Через год родился сын – Алексей Ильич (ныне преуспевающий адвокат), а еще через четыре года – дочь, автор этих строк.

Мамина семья по линии ее материвосходит к польской фамилии Парсницких. Мой прадед Николай Тихонович (которого я немного помню), из мальчишка на побегушках при лавочке, поднялся до купца второй гильдии и перед самой революцией купил во Владивостоке пароход. В советское время судьба уберегла его от расправы, он работал продавцом, торговым экспертом, отличался исключительной добросовестностью и трудолюбием, даже имел грамоты «отличника советской торговли». Его супруга, моя прабабушка Мария Константиновна, была домохозяйкой и растила единственную дочку Марианну, мою будущую бабушку. Марианна Николаевна, в возрасте девятнадцати лет познакомилась с симпатичным парнем – Васей Мясниковым, но на первое свидание пришел не он, а его брат – Виталий, который был тайно влюблен, но боялся подойти... Он – то и стал отцом моей мамочки.. Происходил он из дворянской семьи, отец его Федор Васильевич Мясников, родом из Санкт-Петербурга, до революции был довольно известным церковным регентом и православным композитором. Но революция забросила их на самую дальнюю окраину России и о своем дворянстве в те годы старались особо не вспоминать. Поженившись, Виталий Федорович и Марианна Николаевна жить стали вместе с родителями жены, фактически на их иждивении. Молодой муж работал фотографом во Владивостокской газете, сам почти мальчишка, он часто где-то пропадал, о семье заботиться толком не умел... Вместе прожили шесть лет, но отношения не заладились. Марианна Николаевна успела до замужества окончить техникум по специальности «переводчик» (немецкий и английский языки), но была вынуждена, чтобы поддержать семью материально, выучиться на бухгалтера и устроиться на работу во Владивостокский торговый порт. Там-то она и познакомилась с Абрамом Ароновичем Давыдовым, своим вторым мужем, который удочерил мою маму и дал ей свое отчество. Абрам Аронович делал все основательно, и когда в 2001 году мама отправила запрос во Владивостокский архив, то оказалось, что никаких

¹ Григорьева Л.И.: «В религиоведение я ни откуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. №№ 5, 6 (принято к печати).

документов, подтверждающих ее родство с Мясниковым Виталием Федоровичем, не обнаружилось. Ее родным отцом был записан Абрам Аронович. Он и правда любил ее как родную дочку, и годы, проведенные вместе, мама вспоминает как самые счастливые годы своего детства. Работал ее отчим начальником снабжения Владивостокского торгового порта и когда пришел 1937 год он узнал или почувствовал, что нужно срочно уходить от опасности. Следующие годы семья меняла места своего жительства каждые два-три года: Магадан, Колыма, Казахстан: сперва Джезказган, затем Каунрад... Там, в Казахстане, Абрам Аронович проработал всю войну, там же заболел и скончался в 1946 году от туберкулеза. Во время войны моя мама оказалась вместе с бабушкой и бабушкой в оккупированном Ставрополе. Документы с еврейским отчеством и фамилией были сожжены бабушкой сразу, соседи не выдали, и маме посчастливилось не разделить судьбу евреев массово, уничтожаемых фашистами. После войны, когда семья воссоединилась, стало понятно, что привычка менять города и веси стала для них потребностью и переезды продолжались. Так и хочется вернуть модное словечко «номадизм» - тяга к перемещению навстречу новым впечатлениям. За десять школьных лет мамочка сменила восемь школ. И до сих пор она продолжает дружить со многими своими одноклассниками, всю жизнь переписываясь и перезваниваясь с ними, приезжая в гости через всю страну. И во всех школах мама училась только на хорошо и отлично. Все предметы давались ей одинаково легко. Поэтому после школы ей было трудно определиться с тем, где же учиться дальше. Она, гуманитарий по своей природе, выбрала популярное в те годы направление и поступила на радиотехнический факультет Томского Государственного университета. Закончила с дипломом инженера по радиоэлектронике и была распределена в Красноярск. Ее семья в те годы уже жила в Красноярске. И этот город оказался последним пунктом многолетних переездов.

Случилось это так: в 1947 году они оказались во Львове, где сразу получили большую квартиру, работу, неплохой достаток по меркам послевоенного времени. Казалось бы все замечательно, живи да радуйся... но как объясняла мама: «все было не родное, чужое, не свое». Пожив здесь год, семья решила вернуться в Россию, куда-нибудь за Урал. Сперва отправились на Алтай, жили в Бийске, в селе Воеводском, потом переехали в Томск. Прожив там пять лет, поняли, что это им надоело и нужно двигаться дальше. Куда именно решили просто: расстелили на столе карту страны, поразглядывали и, ткнув пальцем наугад, решили отправиться в Якутск. Туда и поехали на поезде всем кагалом. Попутчики, узнав, что они намерены жить в Якутске, стали объяснять им, что такое мороз минус шестьдесят, дикие просторы, и прочее. У всех, особенно у деда — Николая Тихоновича, стали появляться сомнения, туда ли они вообще едут. В Красноярске была долгая остановка — меняли локомотив, и семья отправилась погулять на привокзальную площадь. Посмотрели, обсудили и решили, что этот городок им всем нравится! Не долго думая, выгрузили свои пожитки на перрон, да и остались здесь насовсем. Это был 1956 год.

На следующий же день по газетному объявлению «требуется» Марианна Николаевна устроилась бухгалтером на первый кирпичный завод. Сразу дали жилье в бараке. А в 1958 году, ей, уже главному бухгалтеру завода, выделили квартиру в трехэтажном кирпичном доме — с печкой для готовки, топившейся дровами, с холодной водой из единственного крана на кухне, но двумя отдельными комнатами. Шли годы, квартира изменялась, печку заменили на газовую, потом на электрическую, провели горячую воду, смонтировали душ, поставили телефон. В этой квартире я родилась и выросла, там родились мои сыновья, в ней и сегодня живут мои восьмидесятилетние папа и мама.

Род по отцовской линии — из крестьян Витебской губернии. Передо мной фотография, сделанная в 1933 году. На ней мой отец, годовалый Илюша, на руках у своего деда, а вокруг родственники, взрослые и дети.. Всех тридцать девять

человек. Большая счастливая семья.. Сегодня в живых из них осталось трое. После освобождения из крепостной зависимости папин прадед Иван Федотович, получив небольшой надел земли, немного приторговывал, успешно ведя свои дела. Его сын Алексей, продолжая крестьянствовать, организовал такую прибыльную торговлю льном с питерскими фабриками, что в итоге сумел купить небольшое поместье Пылда. Он с любовью занимался сельским хозяйством, разбил большой фруктовый сад, выращивал лошадей, разводил племенных коров, птицу. Жили не бедно. Все доходы мой прадед вкладывал в покупку земли для сыновей. Алексей Иванович был дважды женат, и детей у него было одиннадцать человек, пять сыновей и три дочери от первой жены, два сына и дочь – от второй. Всем сыновьям прадед сумел дать образование не ниже гимназического, а трое получили высшее образование в московских институтах. Мой дедушка по отцу – Лев Алексеевич был сыном второй жены прадеда, Екатерины Семеновны, в первом браке – Акашевой. Ее сын от первого брака, единоутробный брат моего деда – Константин Акашев – первый Нарком советской авиации, легендарный соратник Ленина, расстрелянный в 1931 году. Революция и гражданская война раскололи братьев – большая часть примкнула к белой армии и сражалась против советской власти. Трое погибли, одного – Василия Алексеевича схватили сразу, как только Советские войска в 1940 году вошли в буржуазную Латвию. Найденные нашей семьей в последние десятилетия архивные документы, недоступные в советское время, рассказали о его страшной участи: пытки, Сибирь, расстрел. Мой дед, Лев Алексеевич был еще подростком в те суровые годы и его война не коснулась. Он успел окончить классическую гимназию и два года проучился на Высших агротехнических курсах в Митаве (сейчас Елгава). Получив свой надел земли, построил дом, женился на любимой девушке, родил сына и дочку. Работали все не покладая рук. Мой отец, Илья начал свою трудовую биографию летом 1939 года в неполные семь лет. Его будили в шесть утра, поили чаем и отправляли пасти скот. Дед пахал землю, бабушка доила коров, вела дом. Наемных работников у них не было, все делали сами. Бабушка рассказывала мне, что на плечах не сходили мозоли от коромысел. При этом она имела гимназическое образование, говорила на трех языках, играла на фортепиано и гитаре, лечила окрестных крестьян, обращавшихся к ней в случае необходимости. Бабушка моя – Эмилия Александровна, в девичестве Мутянка, происходила по своему отцу из обедневшего шляхетского рода. В паспорте ее, в пятой графе, и в советское время было указано «полька». Ее отец Александр Францевич женился на ее матери Франциске – простой польской крестьянке, обвенчавшись с ней, когда уже прижили совместно троих детей. Ксендз его застыдил. Бабушке моей, чтобы обвенчаться, пришлось перейти в православие. Ее польская родня охладела к ней на многие годы. Но до самой смерти бабушка моя молилась по католическому молитвеннику на польском языке, отпеть себя завещала по католическому же обряду.

Беда грянула, как и для многих семей в Латвии, четырнадцатого июня сорок первого года. Ночью за ними пришли. Взяли всех – час на сборы, по телегам и на станцию. Мужчин грузили в одни вагоны, женщин с детьми – в другие. Ни обвинения, ни суда, ни следствия. За что? Они считались зажиточными, то есть кулаками, да еще братья в белой армии воевали. Значит – враги народа. Деда бросили в Ураллаг, без права переписки, где он погиб в 1942 году, и был ему сорок один год. Бабушке моей только исполнилось тридцать, сыну Илье – девять лет, младшей сестренке Ольге – семь. Их повезли в Сибирь, в ссылку, везли долго – больше месяца, ведь теперь было не до них – двадцать второго июня началась война. От давки, жары, голода и грязи люди слабели, начались инфекции. В конце пути Эмилия Александровна заболела дизентерией в тяжелой форме и ее забрали в больницу. Детей раздали по людям. Люди их и спасли. Привезли их тогда в большое сибирское село Тасеево. Бабушка моя со слезами на глазах и папа всю жизнь вспоминали и рассказывали о том, как сибиряки несли

ссылным еду, одежду, помогали кто чем мог, делились последним. Как-то местные не боялись видеть в ссылных просто несчастных людей, может быть этим Сибирь и отличается — большей человечностью и искренностью. «Дальше Сибири не сошлют» — в каждой шутке есть доля шутки. Дома друг для друга всегда открыты, в гости ходили просто так, без приглашения. Это и сегодня так в сибирских деревнях и в городах, особенно северных, у тех, кто остался сибиряком по духу, а не по географической локализации.

Забегая вперед, не могу не упомянуть о том, как мне влетело, когда я, приехав в гости к бабушке и тетке, в Латвию в возрасте шести лет, тут же познакомилась с детьми во дворе и отправилась, как водится, к кому-то из них в гости. Потом бабушка и тетя меня очень ругали и стыдили, а я никак не могла понять — за что? Ведь совесть моя была чиста — ну абсолютно ничего плохого я не делала! Оказалось, что в Латвии не принято вот просто так с улицы к кому-то в дом заходить, невозможно, недопустимо. Меня это просто поразило тогда. В нашей семье гости не переводились все семь дней в неделю.

Но вернемся к истории моего отца. Бабушка выписалась из больницы сильно ослабевшей, однако сразу же пошла работать в колхоз — жить было не на что.. Убрали урожай, пришла зима и ее приписали к в леспромхозу. Работа ее считалась не самой трудной: вместе с другими ссылными они всю зиму вручную распиливали, а затем кололи и складывала дрова. Папа мой в школу пойти в ту зиму не смог — не в чем было, сидел дома и запоем читал. Напротив жила семья секретаря райкома, ушедшего на фронт, у них была прекрасная библиотека, и можно было брать книжки. К весне немного освоились, посадили картошку, но...

В июне снова по вагонам, красноярская пристань и — на крайний Север. До Туруханска сплавляли на пароходе, а там пересадили на баржи и вниз — до Туры. Люди на баржах плакали и молились — думали, что везут топить вместе с малыми детьми. Но все обошлось сравнительно благополучно, семье отца повезло — они жили в самом поселке. Тех, кому повезло меньше, высадили прямо на высоком берегу Енисея в тайге. Выжить удалось не многим. Бабушку отправили работать на лесоповал, дети пошли осенью в школу. Но теперь уже десятилетнему Илье пришлось стать старшим мужчиной в семье: ходить в тайгу за дровами, за ягодой. Он научился ловить рыбу, что в эти голодные военные годы очень поддержало семью. А в двенадцать лет Илья стал кормильцем: создал бригаду из таких же пацанов и они стали подрабатывать, разгружая баржи на причале. За день работы мальчишкам давали булку хлеба. Так и жили до 1946 года. Потом начались послабления: разрешили переехать в Красноярск. Бабушка устроилась работать на почту и жить стало легче. А в 1947 пришло разрешение детям вернуться на Родину, в Латвию. Младшую сестру забрали родственники, их осталось не так много, а Илья попал в детский дом. Учился на одни пятерки, однокашниками стали мальчишки, осиротевшие в войну, выжившие в фашистских концлагерях. Со многими из них отец дружил всю оставшуюся жизнь. В сорок восьмом, по окончании семи классов, переведен в ремесленное училище. В 1950 — радист первого класса и распределение в Тувинскую республику. Два года в Туве радист Илья Воеводин работал с метеослужбами, с аэропортами, одновременно заканчивая восьмилетку в школе рабочей молодежи. В двадцать лет призван в армию. Три года службы в Баку в специальном подразделении радистов. Там же началось увлечение спортом — различные виды борьбы, боевое самбо. В пятьдесят шестом вернулся в Красноярск к маме и сестре, которая блестяще закончила медицинский институт (а позднее станет Заслуженным медицинским работником Латвийской ССР).

Но что интересно: несмотря на все репрессии и трудности, отец мой формировался как пламенный советский патриот. Видимо атмосфера тех лет, военное лихолетье, которое спланивало, единство судьбы, дружбы и взаимопомощи людей,

с которыми вырастал, вера в торжество коммунистических идеалов, все это привело моего отца, к активной общественной деятельности. Вернувшись в Красноярск, поступив работать радистом в Гидрометеослужбу, заканчивая десятилетку, он стал зачинателем и основателем Комсомольских активных отрядов по борьбе с хулиганством (КАО). Боевые комсомольские группы ребят гоняли пьяниц, дебоширов и мелких воришек, помогая милиции делать город чистым и безопасным. В эти же годы отец случайно узнал, что место захоронения погибших от ран солдат из военных госпиталей превращено в мусорную свалку и заброшено. Он поднял на ноги весь комсомольский актив. Сейчас на этом месте Площадь Победы и городской Мемориал, где золотыми буквами на камне восстановленные по архивным документам имена погибших воинов. Писал в местные газеты, столкнувшись с любой несправедливостью.

Вскоре его взяли на работу в горком комсомола инструктором. Для сына «врага народа» почти нереальное событие. Но папа был настоящим комсомольским вожаком. В возрасте двадцати пяти лет Илья поступает на историко-филологический факультет Красноярского педагогического института. Он признавался мне, что поступал убежденным филологом, а закончил вуз убежденным историком. В этом же, 1957 году они встретились и поженились с моей мамой. Знакомы до свадьбы они были фактически пять дней. В воскресенье они оказались вместе со всеми комсомольскими активистами на вокзале, где приветствовали проходящий поезд с китайскими коммунистическими соратниками, и оттуда отец отправился провожать маму до дома. В понедельник папа назначил ей свидание, но перепутал место и встретились с мамой только во вторник. В среду папа заявил, что: «Мы теперь будем самыми лучшими друзьями навсегда», на что мама ответила: «Илюша, может быть нам лучше пожениться?». Папа сказал: «Ну да! Конечно! Как это я сам не догадался!» Весь четверг он раскапывал свой паспорт в кучах книг и бумаг на рабочем столе. В пятницу они с мамой оказались на очередной комсомольской тусовке, где радостно сообщили своим товарищам о принятом решении. Те живо откликнулись: «А чего ждать-то! Давайте сегодня все и организуем!» На робкие возражения Ильи, что хорошие ботинки в ремонте, никто не отреагировал. Их отправили на горкомовской машине в ЗАГС, а в это время вскладчину накрыли большие столы. На маме было летнее зеленое платье, папа в рабочем костюме, свадьба была очень веселой! Родителей своих они оповестили на следующий день о том, что появилась еще одна молодая комсомольская семья. В нынешнем 2013 году, 23 августа исполнилось 55 лет их семейной жизни. Двое детей, шесть внуков, трое правнуков.

Да, при такой семейной истории высока вероятность стать историком, повлияла ли семья на Ваш профессиональный выбор? Или мощнее действовали иные обстоятельства, факторы?

Я не историк. В свою основную специальность, в которой пребываю уже двадцать лет – социологию религии, я пришла из религиоведения. А вот в религиоведение я ни откуда не приходила. Я в нем родилась, сформировалась и выросла. Если меня спрашивают, когда я впервые соприкоснулась со своей темой – исследованием религиозных сообществ – честно отвечаю: «Года примерно в три – четыре, как только стала что-то понимать». Моей первой любимой книжкой с картинками была здоровенная «Библия в картинах (гравюрах)» Гюстава Доре. Папа или мама охотно объясняли мне, что означают эти таинственные роскошные иллюстрации к неведомой мне книге и о каких событиях здесь повествуется. Вечерами у себя дома я регулярно присутствовала на многочасовых диспутах, где за чашкой чая с домашним вареньем отец полемизировал со своими гостями о вере и религии, философии и будущем человечества. Гости были разные: баптисты, православные, пятидесятники, старообрядцы, журналисты и преподаватели, знакомые и друзья, идейные противники и боевые соратники. Папа, блестяще владея библейскими текстами, цитируя

классиков марксизма и используя философскую аргументацию, доказывал правоту коммунистических идеалов и принципов. Он, искренне убежденный в своей правоте, горел одним высоким желанием: выволить несчастных из тенет заблуждения, мракобесия и суеверия. Спасти хороших людей для общества и будущей светлой жизни.

Эта тема пришла в жизнь моего отца, совершенно неожиданно и при этом для него вполне типично. Папа всегда кого-нибудь спасал. В нашей квартирке время от времени появлялись то пьяница, который свалился и уснул на морозе, и которого отец подобрал и притащил к нам ночевать, то какие-нибудь бедные люди, которым нужно было где-то пожить, чтобы решить проблемы с жильем и работой, то несчастный подросток, который сбежал из дому, и которого нужно было накормить и пристроить. И папа активно включался в решение их проблем. Мамочка моя относилась к этому с полным пониманием.

Однажды, по городскому радио отец услышал необычный для того времени репортаж о девушке, которую выгнали с работы и исключили из института за то, что она была верующей – баптисткой. Возмущенный такой несправедливостью, отец дозвонился на радио, выяснил, где живет эта несчастная и отправился ее спасать. Ему удалось восстановить ее на работе и в институте, но то, что Октябрина (так звали девушку) попала «в лапы сектантов» не давало ему покоя. Год это был примерно шестидесятый. Забегая вперед, замечу, что и сегодня старенькая тетя Октябрина продолжает дружить с моими родителями и стала для нашей семьи почти родным человеком. Но баптисткой так и осталась. Вот эта история и столкнула Илью Львовича впервые с теми группами верующих, которые казались в советские социалистические времена экзотикой и атавизмом темного прошлого.

Протестантов в России и до и после революции и даже сегодня народ, как правило, вне зависимости от своего уровня образования и социального статуса, величает «сектантами». Для моего отца знакомство с этой реальностью было совершенным открытием. Литературы о протестантизме в библиотеке, куда папа отправился за информацией, не было практически никакой. И он решил сам все исследовать и разобраться в этом вопросе. Сегодня мы сказали бы «методом открытого включенного наблюдения», «глубинного неформализованного интервью» и так далее. А тогда это была просто жизнь, просто вера, просто желание вернуть людей в общество, для которого они были «сектантами» или даже «страшными сектантами». Он боролся с явлением, но искренне сочувствовал этим людям, дружил со многими из них. Он приходил к ним на молитвенные собрания, знакомился, звал к себе в гости. Нередко после домашних диспутов, провожая своих гостей, родители передавали с ними сумки и пакеты с вещами для неимущих, зная, что там это все раздадут нуждающимся. Но не все было так лирично. Противостояние в самой сложной и значимой для людей сфере порой выливалось в неожиданно жесткие ситуации. Например, мой старший брат лет с трех стал очень сильно заикаться, едва не погиб. Зимой, переходя около нашего дома замерзшую речку вместе с сынишкой, отец столкнулся с одной знакомой пятидесятницей. И, конечно сразу начал с ней спорить, а сынишка бегал рядом по льду. Вдруг отец заметил, что собеседница, продолжая спорить, слегка изменилась в лице. Он резко обернулся и увидел, что малыш подбегает к глубокой полынье. В два прыжка папа оказался рядом с сыном, успел схватить его, высоко подняв над головой, и провалился под лед по грудь. Проходившие люди помогли им выбраться. А убежавшая пятидесятница, похоже, была разочарована, ведь она, судя по реакции, с замиранием ждала «божьей кары», которая могла бы стать супер аргументом в этой полемике. Такая вот «христианская любовь» к маленькому ребенку. Уже став взрослым, Алексей усилием воли смог полностью избавиться от заикания.

Работая над диссертацией о социальной природе баптизма, отец становится

лектором «Общества «Знание» и выступает в различных аудиториях. Лектором он был и остался прекрасным: с хорошо поставленной речью, эрудированным, с тонким юмором. А самое главное — искренним и убежденным в своей высокой миссии. Я, папина любимица, уже лет, наверное, с пяти — шести была привлечена им к участию в этих лекциях. По окончании папиного выступления меня ставили на стул, и я выразительно и звонко читала стихотворение Эдуарда Багрицкого «Смерть пионерки». Килограммы бумаги с материалами так и не защищенной папиной диссертации все еще хранятся в семейных архивах. В те годы написать и защитить кандидатскую диссертацию было чрезвычайно сложно. Когда Илья Львович в 1967 году завершил работу над своим исследованием, рецензент задал ему только один вопрос. «Что это Вы тут баптистов защищать решили?» То, что в западной социологии религии уже в те годы было общим местом — функциональные особенности баптистских церквей характеризовали как «добровольные сообщества взаимного социального страхования», в нашей стране воспринималось как их апологетика и едва ли не антисоветская пропаганда. В общем, отцу порекомендовали все переделать и написать нормальный советский обличительно-разоблачительный опус. Чего он делать не стал из принципа. Ни трехкратное увеличение зарплаты, ни квартирные или иные бонусы за написание «нужного текста» отца не интересовали. Он предпочел остаться верным себе и своим взглядам. Так и не защитился, и публиковаться в научных сборниках не стал. При этом он продолжал заниматься своей работой, своими верующими. Постепенно дома большущий книжный стеллаж до потолка заполнился философской, атеистической и религиоведческой литературой. Отец отслеживал все новое и интересное и, часто бывая в командировках, в том числе в Москве и других крупных городах на конференциях и семинарах по научному атеизму, привозил свежую литературу по своей теме. Журнал «Наука и религия» был выписан им с первого изданного номера и продолжал выписываться все годы вплоть до начала девяностых.

И не только. Как и во многих семьях выписывали много чего: четыре-пять газет, без которых своего существования не представляли. Из журналов: «Наука и жизнь», «Знание — Сила», «Юный техник», «Человек и закон» и конечно, любимейший «Вокруг света». Журналы хранили и перечитывали. В моем детстве телевизора у нас не было. Принципиально. Замечу, нет его у меня и сегодня. Новости и все остальное слушали по радио, там было много хорошей музыки, интересных передач, любимый «Театр у микрофона». Вообще приоритеты в нашей семье были совершенно определенные и в этом мои родители были абсолютно солидарны. Книги, грампластинки, поездки и путешествия, кино и театр, подарки — то, на что тратить деньги и жизнь считалось правильно и позитивно. Поэтому на всем остальном экономили. Точнее, не придавали этой второй стороне жизни — быту во всех его ипостасях — никакого особенного значения. Одежду и обувь я все детство донашивала чью-то. Тогда считалось нормальным, что знакомые и друзья, у которых были дети близкие по возрасту, отдавали еще годные к носке вещи друг другу. Питались мы очень скромно: папа, принимая толпы гостей, любил гордо приговаривать: в нашем доме всегда есть картошка! Мы ее сажали и копали. Лес тогда еще кормил грибами и ягодами, капусту солили в большой бочке, объединяясь с друзьями, у которых в квартире был балкон для ее заморозки. Мясо появлялось редко, чаще минтай, обычные яйца были «дефицитом» и воспринимались мной как изысканный деликатес. Конфеты по праздникам. Слово «фрукты» ассоциировалось только с яблоками. Зато у нас был свой (бабушкин) загородный участок с домиком — «сад», где росла малина и смородина, ранетка и клубника. Варенья наваривали столько, что на всю зиму хватало! Мебель в квартире почти вся — списанные конторские столы и стулья с драными зелеными сиденьями, самодельные табуретки и полки, но это было нормально!

Хотя на мое профессиональное становление, безусловно, повлиял мой отец,

но воспитывала нас все же больше мама. Когда я думаю о маме, сами собой приходят строчки: «в Тебе все — музыка и свет..» . Именно мамочка формировала домашнюю библиотеку детской и классической литературы, коллекции поэтических сборников, альбомов по живописи, грампластинок с операми, опереттой, классической музыкой, хорошей эстрадой, детских — со сказками, песнями и стихами, — она этим жила, как дышала. Она пела нам перед сном колыбельные на музыку Шопена и Моцарта, а когда мы подросли, каждый вечер мама садилась около наших кроваток и по часу читала замечательные книжки. Изо дня в день. Из года в год. Забирая меня из детского сада, по дороге домой мама разучивала со мной стихотворения Жуковского и Фета, Есенина и Лермонтова. Помню, когда мы пришли в первый класс на первый урок, учительница предложила нам прочитать любимое стихотворение. Я, конечно, вызвалась и увлеченно начала декламировать многостраничное произведение Пушкина «Жених»: «Три дня купеческая дочь, Наташа пропадала, на третий день она во двор без памяти вбежала...» На десятой примерно минуте учительница взмолилась: «Хватит, Людочка, потом расскажешь».

Мама водила нас в театры и на концерты, мастерила карнавальные костюмы для праздников и учила играть в разные интересные игры. Домашние детские праздники, которые начинались утром с сюрпризов — подарков, любовно приготовленных, а заканчивались играми, конкурсами и веселыми соревнованиями с приглашенными ребятами, всегда организовывала мама. Она, инженер по образованию, для души тоже стала лектором «Общества «Знание». Но лекции она читала по истории русской и зарубежной живописи. Дома для друзей проводила поэтические и музыкальные вечера, чудесно рисовала, а фотографией они увлекались вместе с папой.

Но все же, гораздо больше времени мы с братом проводили без родителей, предоставленные сами себе. Мама работала на заводе шесть дней в неделю с восьми до пяти, папа преподавал, часто уезжал в командировки. Поэтому с моих шести лет и все школьные годы полдня, а иногда и больше оставалось в нашем собственном распоряжении. И мы распоряжались, как хотели! Знали бы наши родители, чем мы занимались... Мы путешествовали! Наш рабочий район на окраине города окружали пологие травяные холмы с перелесками, около дома протекала речушка, в которой тогда еще можно было купаться и даже ловить пескарей. Рядом находился кирпичный завод, по которому разрешалось беспрепятственно разгуливать, заходя во все цеха, наблюдая, как формуют и обжигают кирпичи и даже бесплатно пить газированную воду из автоматов в горячем цехе. Облазив все ближайшие окрестности, мы решили расширить территорию освоения и стали обследовать город, добираясь «зайцами» на автобусах и трамваях до самых дальних поселков на противоположной стороне Енисея. Гуляли по незнакомым улицам, заглядывали во все переулки и закоулки.. Скучно нам не было!

Но в том же возрасте возникла еще одна пламенная страсть, которая стала для меня главной и определяющей. Самым большим наслаждением оказалось чтение. Читать я научилась как-то незаметно в возрасте пяти лет, перечитала все детские книжки дома и уже в первом классе прорвалась в школьную библиотеку. Меня не хотели записывать, объясняя, что приличный первоклассник должен сперва освоить алфавит. Пришлось продемонстрировать свои умения и цель была достигнута. Потом вторая библиотека, третья. В четвертом-седьмом классах их одновременно было уже пять. Сразу после школы я брала авоську с прочитанными накануне книжками, бежала в одну из библиотек и, вернувшись с новой охапкой, читала запоем до позднего вечера. Родителей это даже тревожило: «Забьется в самый темный угол и читает, читает! Лучше бы погулять сходила.» Чем старше я становилась, тем больше чтива находилось для меня и в домашней взрослой части нашей библиотеки. Собрания сочинений Гоголя и Куприна, Льва Толстого и Пушкина, Горького и Паустовского... Лет примерно

в одиннадцать я стала добираться и до папиного стеллажа. Перечитала все завалы периодики, научно – популярную, историческую и этнографическую литературу по религиоведению. У папы, с которым я обсуждала прочитанное, в те годы появился новый приемчик воспитания студентов-заочников. Иногда он стал брать меня к себе работу во время сессии. И когда бедные дяди-тети не могли ничего рассказать, папа выставлял меня вперед и командовал: «Бери билет и отвечай!» Я отвечала. Как правило, особого труда это не составляло, что-нибудь на заданную тему в памяти всегда обнаруживалось.

На лето родители старались нас куда-нибудь отправить из города. Многие годы я проводила в пионерских лагерях все три сезона. И даже полюбила эти поездки. Там нами не очень много занимались, и в свободное время можно было удрать из лагеря через дырку в заборе в лес и гулять, где хочется, находить для себя в зеленых зарослях уютные местечки, прятаться там, думать, мечтать, фантазировать. Только во Всероссийском пионерском лагере «Орленок», куда меня отправили от кружка юнкоров, такой возможности не оказалось. Там с утра до вечера мы были в отряде, все время чем-то загруженные и места для спасительного одиночества не оставалось совсем. Но мне повезло. Я попала в съемочную группу кинодокументалистов режиссера Тофика Шахвердиева, снимавшего фильм о счастливых советских детях. Свободу попугаям!! Я убежала из отряда к ним сразу после завтрака, и на целый день спасалась от коллективных маршрутов и муштровок.

Со сверстниками отношения всегда, всю жизнь складывались приблизительно одинаково. С одной стороны, в нашем рабочем районе мою семью воспринимали как что-то ненормальное и непонятное. Расхристанный быт, толпы народа, странный образ жизни. Еще нас, как я узнала позднее, почти все считали евреями. И имена родителей к этому располагали. И, вероятно то, что понятие «еврей» и «интеллигент» наш народ воспринимает как синонимы, но относится ко всему этому с некоторым специфическим напряжением. С другой стороны, в этом отношении было некое уважение и признание ценности такой культуры. Если кому-то нужна была книжка или консультация, например, по литературе или истории, шли не в библиотеку, а к нам. Понятно, что ребята нашего двора, мои одноклассники, в целом относившиеся ко мне нормально, все же воспринимали меня как «белую ворону». И что странно: я всегда была очень коммуникабельна, и в пионерских лагерях, и в школе, потом в институте меня часто выбирали командиром отряда, членом совета дружины, комитета комсомола, но при этом мне всегда давали понять и почувствовать свою «инаковость».

В итоге, став старше, я находила свою «стаю», где были такие же «странные» люди, и с ними мне было хорошо. В школьные годы это были дети друзей моих родителей, в юности – ребята из КСП – клуба самодеятельной (авторской) песни и «столбисты» – скалолазы и альпинисты, строившие свои спортивные избушки в заповеднике «Столбы». Говоря социологическим языком, это и были первые мне известные локальные маргинальные сообщества со своим сленгом, формой, стилем общения, жизни и понятно, со своей специфической атмосферой. Особая система ценностей, своеобразная субкультура «столбистов» была эпатажной, игровой (в смысле Хейзинги). И контрадикцией, делающей все это предельно живым и настоящим, была смерть. Многие гибли на скалах. Лазить (ходить по скалам) настоящий столбист должен был без страховки. В любое время года, на ходах любой сложности.

Как проходили Ваши школьные годы? Оглядываясь в прошлое, какие события влияли на Вас как представителя конкретной возрастной когорты? Как Вы думаете, есть ли и в чем они заключаются различия в обстоятельствах ранней социализации (детство, школьные годы) между теми, кто жил в крупных европейских городах, и теми, кто рос

«далеко от Москвы»?

В том, что я выросла далеко от столиц, были и свои сильные стороны, и наоборот. В Сибири тогда присутствовала атмосфера особой романтики: строились крупнейшие в мире ГЭС, огромные предприятия, здесь разрабатывались космические программы, образовывались новые научные сообщества, много талантливой молодежи приезжало со всей страны. А вокруг — потрясающе красивая природа: голубая, бескрайняя, волнами сопот уходящая за горизонт тайга, могучие скалы над величественным Енисеем. Было чувство свободы, простора какой-то необъятной мощи и радости.

Чего мы не получили — естественного понимания необходимости иностранных языков. Город наш был «режимный», то есть закрытый, иностранцев дальше Урала на восток не пускали. Да и литература на иностранных языках в условиях цензуры была недоступна в принципе. Поэтому, хотя немецкий, который был в учебной программе, мне нравился (в юности даже стихи немножко на нем писала), но в целом отношение было такое: «для чего в стране советской нужен нам язык немецкий?», как и английский. А «китайская грамота» — сегодня актуальное и престижное направление обучения, — тогда была синонимом чего-то непонятного и ненужного. Отсюда — исходная одноязыкость, что, увы, не радует. В остальном же мы не чувствовали своей обделенности. Тем более, что поездки с родителями в Москву, в Ригу, в Ленинград где были родственники с обеих сторон, случались регулярно. И все самое интересное и стоящее нам показывали и рассказывали.

Люда, многое из рассказанного Вами меняет мой почти типовой план проведения интервью. Обычно я долго пытаю моих собеседников о том, что привело их в — в широком плане — социологию. Похоже, если бы, допустим, Вы не стали социологом религии, то не я, а кто-либо другой, должен был бы спросить «Как же это Вы не стали социологом религии»? И все же, каким был Ваш путь в религиоведение как профессию и затем в социологию религии?

Дальше напрашивается предсказуемая цепочка последовательных шагов: красный диплом — аспирантура — папина тематика — диссертация. Именно так на последних курсах института считали и многие из моих однокурсников. Меня больно задевали и страшно злили реплики типа: «Ну Воеводина-то в школу работать не пойдет! Она ведь у нас умная...» В аспирантуру я отказалась идти наотрез. Хотя еще с четвертого курса были предложения и на отечественную историю, и на педагогику с психологией. Я собиралась ехать по распределению — куда пошлют. Но под самое окончание института нечаянно нагрязнула любовь и свидетельство о браке я получила лишь на месяц раньше диплома. Поэтому и пришлось задержаться в городе — муж заканчивал медицинский институт. В специальности выбрала что поинтереснее: пошла работать в школу — интернат для сирот и детей из проблемных семей. Преподавала историю и обществоведение. Все классы — по одному, параллелей не было, и в каждом классе — от тридцати до сорока пяти детей. Кто работал в школе, тот поймет — совладать с такой оравой, даже на уровне элементарной управляемости, — уже хорошо. Но у меня получалось. И еще был принцип: если я требую, чтобы они отвечали мне урок без подглядывания в тетрадку, то и сама должна все выдавать без конспектов и прочих «шпаргалок» по памяти. Каждый день приходилось готовить по четыре-пять уроков. Выматывалась страшно. Вечерами от усталости и напряжения просто редела. В это время мы уже ждали первенца. Сын родился в конце марта, через год с небольшим у него появился младший братишка. Ко времени выхода из декрета муж получил диплом и мы, как многие молодые семьи, решили начать самостоятельную взрослую жизнь. Распределение было получено в Тувинскую автономную республику, в самую глушь — Тандинский район, поселок Сой, противотуберкулезный санаторий, где требовался фтизиатр - заведующий отделением. Крайний юг Тувы, сто километров

от Монголии. Поправляли здоровье в санатории бывшие зеки из числа здешней титульной нации и дети, которым параллельно приходилось вылечивать чесотку, глисты и педикулез. Работа нашлась и для меня. В пяти километрах находилось большое село Балгазын. Здесь была школа десятилетка и не хватало историка. Правда, директор школы Арсен Гурамович Бокучава, тоже был историком, но по-грузински ему говорить было значительно легче, чем по-русски и он с удовольствием предал мне всю нагрузку. Ее набралось аж две ставки – по шесть уроков шесть дней в неделю. Классы, кроме одного были русскоговорящими. А вот четвертый «а», тувинский, сразу хором заявил, устами единственного «толмача», что по-русски они ну никак... На уроке я рассказывала им тему через переводчика, а он, стоя рядом повторял классу по-тувински. Но еще интереснее было спрашивать. Что там отвечал мне вызванный к доске – бог весть, но хитрый маленький толмач всегда рассказывал то, что требовалось. Спас меня Арсен Гурамович, который, видя мои муки, забрал этот класс себе.

Деревня приготовила нам много сюрпризов. Я наивно полагала, что молоко, мясо, да и все другие продукты мы будем покупать у местных. Но не тот – то было. Мясо и молоко все сдавали в совхоз за комбикорм для скота, овощи здесь на скудной земле росли плохо, и найти продавцов оказалось почти невозможно. В сельпо только хлеб, консервы, тушенка. Ни молочных продуктов, ни свежих мясных, ни овощей, ни фруктов... зато шоколадные конфеты всех сортов. Продавцы резонно объясняли: «Зачем же мы в деревню продукты повезем? У всех свое». Так что первую зиму с едой у нас было сложновато.

Зима пришла с новыми проблемами: в нашем только что отстроенном бетонном доме температура держалась не выше пятнадцати градусов. За стенами всю зиму от минус сорока и ниже. Сырость в квартире стояла такая, что на потолке собирался куржак, плавно переходивший в сосульки и серую плесень. Ходили в валенках, спали только что не в шапках. Чуть теплые батареи местного центрального отопления, вода в кране холодная, в баню ходили к соседям напротив. Сынишки, которым было два и три года, начали простужаться и болеть. А вокруг туберкулезная палочка. Бесконечное лечение в таком доме толку не давало и к весне, когда бесконечный кашель детей стал переходить в явную хронику, муж сказал: «Похоже, придется назначить им тубазид». Это такое лекарство, которое вместе с туберкулезной палочкой заодно убивает в организме много чего еще. Я сказала: «Нет. Вылечу их сама». В мае, как только полезла трава, мы купили корову, куриц, завели трех поросят. Парное молоко, еще теплые яички из-под курочки, через людей раздобыли медвежий жир, варили пихтовые отвары. За лето утеплили дом, сделали собственную печку. Больше дети мои не болели. Такая вот социология... Я доила корову, кормила поросят и курят, вручную перестирывала горы белья. Есть что вспомнить.

Очень боялась потерять интеллектуальную форму, поэтому количество подписных изданий увеличилось в два раза, «толстые журналы»: история, философия, публицистика. Перед отъездом я познакомилась с ТРИЗом (теория решения изобретательских задач Альтшуллера) и летала из Тувы на тризовские семинары в Норильск.

Так бы мы и остались в деревне, но грянули страшные события. В Туве в конце восьмидесятых началась мощная антирусская кампания. Я тогда уже входила в состав каких-то комиссий, пытавшихся совладать с разворачивающейся агрессией. В соседних деревнях бутылки с зажигательной смесью летели ночью в окна русских жителей, дома полыхали, людям угрожали расправой, участились нападения. На семинарах в Кызыле нам докладывали, что республика занимает первое место по количеству убийств в России. Никогда не забуду, как в учительскую зашли начальники из райцентра и сказали, что сегодня ночью желательно принять меры безопасности. Я, подняв голову от тетрадок, спросила просто: «Это значит, что нас сегодня местные придут резать?»

Они смутились, но ответили честно: «Возможно, что и так». Муж был в отъезде, и мне никогда не забыть, и никакими словами не выразить то, что мы пережили. Как мы, несколько русских семей, набившись в один домик, с маленькими ребятишками и двумя мужчинами со смешными берданками, до самого утра не сомкнули глаз, ожидая расправы... Начался исход русских из Тувы. Первыми уезжали учителя, врачи, специалисты. Стало понятно, что даже если мы и останемся, то детям нашим учиться и лечиться будет негде и не у кого. Пришлось возвращаться в Красноярск.

Этот опыт очень пригодился мне впоследствии, когда я стала заниматься исследованием новых религиозных движений. «Виссарионовцы» и неоязычники, «Анастасиевцы» и различные дауншифтеры с оккультно-мистической подкладкой, антиурбанисты разных мастей были понятны мне со своими исходными пасторальными иллюзиями и прогнозируемыми последствиями суровых деревенских реалий.

Когда мы в девяностом году вернулись в Красноярск, и я снова устроилась в школу. Перестройка бушевала уже во всех сферах жизни, включая религиозную. И вот тут мне стало интересно. Стадионы ломались от страждущих «христианского харизматического пробуждения и исцеления», где слепые прозреют и хромы пойдут. Куда ни повернись — экстрасенсы всех сортов, гуру и ясновидящие. Ну и конечно разноцветные кришнаиты, танцующие и распеваящие «харе кришна» прямо в центре города. Конечно, не заняться этой темой для меня было просто невозможно. Я сразу как-то решила, что именно кришнаиты станут объектом моего исследования, поскольку для нашей страны это явление на тот момент было принципиально новым и, как мне казалось, малоизученным. Следующие два года я регулярно посещала вайшнавские киртаны, перезнакомилась со всеми, но включиться в культовое действие не решалась. В те годы я руководствовалась почерпнутыми ранее книжными представлениями о специальных формах психологического воздействия, «вовлечении» в «секты» и опасалась слишком глубокого вхождения в группу. Сами вайшnavы к моему постоянному присутствию и пассивному наблюдению за ними относились вполне добродушно. Так же спокойно они восприняли и то, что через время я стала приводить сюда группы студентов, которым начала читать разрабатываемый курс по новым религиозным движениям. Литературы было крайне мало, но вот живого иллюстративного материала — сколько угодно. С первых дней знакомства с новыми религиозными движениями, мне было совершенно ясно, что мой интерес к теме — не праздное любопытство. А начало перспективного научного исследования. С первых посещений этих групп я начала вести дневники, куда заносились результаты наблюдений, начинающиеся с количественных характеристик группы и фиксирующие все, что казалось мне хоть в какой-то степени интересным. На моих полках появились первые папки с материалами, имеющими хотя бы малейшее отношение к теме, литература — первоисточники, материалы самих групп и все то немногое, что можно было разыскать у специалистов. И когда наработанного материала стало достаточно, чтобы начать оформление его в научные тексты, я пошла к заведующему кафедрой философии родного педагогического университета и попросилась в аспирантуру.

Александр Моисеевич Гендин, который со студенческих лет относился ко мне очень тепло и с уважением, воспринял мою просьбу доброжелательно. Но сказал: «Я этой темой не занимаюсь, если справишься сама, я согласен тебя взять». На том и порешили. Вскоре у меня появилась вторая работа — часы на кафедре философии, потом еще одна — во втором педагогическом училище ввели курс по религиоведению и предложили мне его читать.

Кришнаиты стали первым, но далеко не единственным моим увлечением этого периода. Вскоре в наш город приехал «буддийский лама» датского разлива, который поразил меня своей непосредственностью на первой же лекции, прочитанной в актовом зале технологического института. На вопрос о том, как он, потомок викингов

и христианских миссионеров стал буддистом, Оле Нидал ответил так: «В шестидесятые я был хиппи и занимался контрабандой наркотиков из Тибета. Там один чел положил мне руки на голову, и я ощутил такой кайф и увидел такой свет, что сразу понял: это круче наркотиков, гораздо безопаснее и в разы прибыльнее». Его тогдашняя книжка «Открытие алмазного пути» в первом издании и ранняя периодика (по сей день бережно хранимая в моих архивах) беззастенчиво и лихо описывает наркотические и контрабандистские приключения (опечатка, но в тему, потому что решила ее не исправлять) «гуру» и рекламирует его недожиданные мужские потенции. Уже имея двухлетний опыт общения с кришнаитами, я без особых сомнений тут же «приняла прибежище» и вскоре уже оказалась в квартирке последователей «Карма Кунзанг Дорже линг», как официально стала называться эта группа в Красноярске, зарегистрировавшаяся в качестве религиозного объединения. Краткие медитации «на кармапу» всегда заканчивались дружескими посиделками молодежи самого неформального типа. Здесь царил дух свободы — свободной любви, свободных возлияний и прочих «увлекательных экспериментов» с телом и духом. По счастью меня воспринимали как слишком взрослую «тетю», обремененную семьей и советскими предрассудками, и поучаствовать в неформальной части предлагали не очень настойчиво. Не возникло у меня и желания поэкспериментировать со своей психикой, проходя «пхову» — технику умирания, которая стала в этом направлении своеобразным «брендом». Вот поэтому мое пребывание в данном сообществе было сравнительно непродолжительным. Ровно столько, сколько было необходимо, чтобы собрать достаточное количество социологического материала, характеризующего их параметры и типаж. Впоследствии собранные материалы мне очень пригодились. В первом издании словаря-справочника «Религии народов современной России» под редакцией М.П. Мchedлова среди прочих я написала краткую статью об этом объединении. Последователям Оле Нидала статья так не понравилась, что они пришли к Мchedлову в сопровождении двух адвокатов с рекламацией и требованием опровержения. В мой адрес было сказано, что «автор всю оставшуюся жизнь будут работать на нас, возмещая моральный ущерб». В ответ я с удовольствием прислала Мирану Петровичу большой пакет их собственных материалов и документов, фотографий со своим социологическим комментарием. Получив все вышеозначенное, больше в редакции эти ребята не появились. Забегая вперед, замечу, что «все течет, все изменяется», и сам «гуру» и его горячие поклонники стали старше, слегка остепенелись и сегодня очень стараются позиционироваться в качестве вполне пристойного традиционного буддизма линии карма — кагью.

Но самые мои любимые с тех лет и по сию пору, конечно бахаи. Знакомство мое с этой религией было весьма неожиданным. На одной из первых лекций в педагогическом училище я с гордостью поведала студенткам, что занимаюсь исследованиями новых религиозных движений. Тут же раздался вопрос: «Пожалуйста, расскажите мне, кто такие бахаи». Я, признаться, растерялась... «Может быть бхакты?». Кто такие бахаи я не знала. Мой всеведущий папа не знал тоже. Интернета не было в природе, а в библиотеке, перешарив все что можно, я ничего не обнаружила. Позднее, когда я сама уже консультировала коллег в московских религиоведческих центрах и по поводу данного направления, я выяснила, что в советской религиоведческо-атеистической литературе они фигурировали в качестве «бехаизма» — позднеисламской секты, что никак не раскрывало содержания и особенностей этого весьма заметного явления в религиозной жизни цивилизованного мира. Но на тот момент я почувствовала себя достаточно неудобно. Девочка, задавшая вопрос, настаивала на правильности названия, но ее случайное знакомство с бахаи не обнаруживало никакой информации о них и о месте их нахождения. Всю зиму эта проблема не давала мне покоя. Наконец весной в городском приложении к «аргументам и фактам», в рубрике вопрос-ответ я совершенно случайно прочла: «Кто такие бахаи?» - «Бахаи новая мировая религия.

Хотите узнать больше — пишите на такой-то абонентский ящик». И я написала. И раз, и второй, а в ответ — тишина. Откуда же мне было знать, что всклокоченный авантюрист Васька Рагозин, который путешествуя из Нижнего Новгорода в качестве странствующего бахаи, подрабатывал где придется, в том числе в газетах, просто лентяй, которому ответить мне было недосуг. Уже через полтора года, мы вместе с ним в кампании американской путешественницы бахаи Джанет Кестер и других интересных людей впервые посетим ныне хорошо известного специалистам по НРД нашего минусинского «христа» — «Виссариона». А тогда я подумала, что, похоже это хорошо законспирированная секта, которая не желает, чтобы к ним кто-то приходил с улицы. Пришло лето, а вместе с ним традиционное русское развлечение — «дача». В начале июля, вечером, я с двумя ведрами свежесобранной клубники, чуть живая от усталости вывалилась из электрички и села в родной седьмой троллейбус, устроилась у окна и придремала. Благо, что дома не знали, заночую я на даче или нет, ведь сотовых телефонов у нас тогда еще не было. За одну остановку до моей, кто-то ласково и игриво потрепал меня по коленке. Я взвилась от негодования, собираясь завопить и возмутиться, но увидев кто это, просто потеряла дар речи. Около меня сидела женщина, совершенно фантастического вида — смуглая до черноты, в золотистом пенджаби, — которая что-то лопоча по-английски, совала мне на колени большущую книжку с цветными фотографиями. Совершенно ошалевая, я прочитала:

«Религий много — бог один», «Все народы — цветы одного сада», «Вера Бахаи». Дочитав до этого места я издала радостный вопль и кинулась к индианке на шею: «Ура!!! Наконец — то я вас нашла!!!!» Бедная моя Ситара Васудеван от испуга чуть не свалилась с сиденья. Она ожидала, как и положено миссионеру, любой реакции, но такой не ожидала точно. Увидев ее растерянность, я стала громко кричать: «Эй, кто с ней, есть кто-нибудь?» Свою остановку, понятно, я уже проехала. Над моей головой далеко вверху раздались странные звуки. Я посмотрела вверх и увидела огромного ммм (негра), по-вашему «афроамериканца», белоснежно улыбавшегося мне и тоже что-то лопочущего. Для Красноярска, еще вчера «закрытого города», картина маслом... Наконец, через пару минут высунулись две сонные физиономии наших. Парень и девушка. Причем, что характерно, по-английски они тоже не говорили вообще. «Ну да, бахаи, а что.. мы тебе дадим адрес ящика и ты нам напиши..» Ну уж нет. Это мы уже проходили! Выяснив, что они едут к себе ночевать в какое — то общежитие, я твердо и радостно сообщила, что я еду вместе с ними. Во время пересадки мы с Ситарой начали общаться. В голове что-то перещелкнуло, и мы с ней стали вполне сносно понимать друг друга на каком-то невербальном уровне. Я выяснила, что она из Индии, что ее муж — директор крупнейшей в Индии школы для детей бахаи, что она в России впервые и что все ей здесь очень нравится. Особенно подушки. Узнав, что я искала бахаи и очень люблю Индию, Ситара тут же стала звать меня в гости к себе в Панчгени. Но это случится гораздо позже. А пока.. Приехав в их богом забытое чумазое общежитие, я познакомилась со всем миссионерским народом, с которыми мы с удовольствием отметили это событие, sloпав оба ведра клубники и решив дружить дальше. Уже через неделю, я ехала в Новосибирск, на встречу с последней хранительницей «Руки Дела Бога», вдовой Шоги Эффенди — внука основателя этой религии Баха — Уллы, Рухией-ханум. Там собрались бахаи из нескольких окрестных городов, в которых тогда проходил международный миссионерский проект. А по возвращении в Красноярск я забрала всю кампанию к себе домой. Мама и папа жили на даче, а в их двухкомнатной квартирке поселились три индианки, две американки, одна японка, одна персиянка и парочка наших девчонок из Улан-Уде. Это была «женская комната». А в «мужской» проживал один Кастадеро, и был этим очень доволен. Тот самый двухметровый афроамериканец, парикмахер из Беверли — Хиллз. Нас удивляло то, что наши гости не переставали удивляться тому, почему мы отказываемся брать с них деньги за

проживание. «Ну поймите же, — говорила я — Вы — наши гости. С гостей деньги за проживание не берут!» А они мне: «Гости, это день — два, а мы месяц у вас живем!» Но в итоге они на эту тему расслабились и им даже понравилось.

Папа в шутку называл нашу квартиру «Ноевым ковчегом» и так же безо всякого знания английского с удовольствием общался с нашими гостями на любые темы. Естественно, с этих пор я начала активнейшим образом заниматься выяснением всего, что касалось веры бахаи. И осенью, придя на первое занятие в училище, выдала целую лекцию на данную тему, реабилитировавшись в вопросе своей профессиональной компетентности. А к Ситаре в гости, в город Панчгени, штата Махараштра я все же съездила. Вместе с делегацией бахаи из многих бывших советских республик. Но случилось это только через три года, когда диссертация, в которой я впервые описала, в том числе и веру бахаи в ее современном виде, была уже защищена, а моя новая должность — главного специалиста по делам религий администрации Красноярского края позволила мне собрать достаточную для поездки сумму. С бахаи я дружу по сей день и рассказать об этом движении с позиции инсайдера можно много чего интересного.

Однако самым известным новым религиозным движением из всех, описанных мною в те годы, стали «Белые Братья-юсмалиане». Эта была, выражаясь современным языком, экстремистская организация закрытого типа, попасть в которую с целью проведения исследования было действительно не так просто.

Люда, мне бы хотелось, чтобы в следующем куске - при сохранении вашего стиля и темпа - нашлось место для рассказа о докторской...

...Бахаи и кришнаиты, мормоны и саентологи, муниты и сахаджа - йоги — все, что было для нас в девяностые таким новым, экзотическим, неизведанным, на Западе было изучено, описано, поставлено на полочки и пронумеровано еще в 60-70е годы. Но нам, российским исследователям, в то время была недоступна даже классика зарубежной социологии религии. В советском информационном вакууме, при свирепой цензуре, доступными книжками о «новых религиях» были только специальные брошюры с характерными названиями: «Яд с доставкой на дом», «Сатана там правит бал», «Секты — досье страха» и тому подобное. Чуть солиднее выглядели заказанные государством реферативные сборники с грифами «ДСП» — «для служебного пользования», которые в девяностые уже можно было посмотреть, и немногочисленные компиляционно — идеологические труды с обличением религиозных мутаций в лоне «загнивающего капитализма». Но что характерно: отечественные религиоведы до начала девяностых, а некоторые и по сию пору верят в то, что религиозные феномены — живые, подвижные, изменяющиеся — можно изучать, не поднимаясь из-за письменного стола и никогда в жизни не общаясь ни с одним верующим, ни с одной религиозной группой. Но для меня, как в свое время для отца, отсутствие готовой информации о том, что было интересно, только стимулировало и вдохновляло.

В начале 1992 года в моем родном городе, как и по всей стране, стены домов, заборы и остановки запестрели красочными фотографиями молодой женщины, в белом хитоне, белой же островерхой чалме, с епископским крестом, египетским царским посохом, и странным именем: Мать мира - Мария Дэви Христос, угрожавшей всем концом света. Дата грядущего апокалипсиса обозначалась конкретно: 24 октября 1993 г. Сегодня в России «очередные концы света» надоели даже журналистам, но тогда.. Тогда это было впервые на нашей памяти и казалось, что мир сошел с ума! А живой иллюстрацией этого тезиса сделались наводнившие город эпатажные фигуры «юсмалиан», в белых балахонах, сметанных из простыней и наволочек. Молодые ребята и девушки, женщины и мужчины, с утра до вечера стоящие в самых людных местах — у рынков и вокзалов, в центре и в подземных переходах.

С остановившимся остекленевшим взором, словно магнитофоны,

прокручивавшие один и тот же текст, они призывали к покаянию, пели свои псалмы, раздавали листовки. Но никого к себе не звали и даже не подпускали слишком близко. По городу поползли слухи. Позднее, читая «Апологию» Тертуллиана, я удивлялась, насколько во все века и времена однотипны мифы в отношении «неведомых страшных сект». Как и тогда, говорили про украдываемых и поедаемых младенцах, одурманивающих веществах, и конечно коллективных извращенских оргиях. Хотя, заметим в скобках, в современной цивилизованной Европе последнее уже считается вполне нормальным развлечением. А потом удивляемся, откуда берется религиозный фундаментализм. «Белые братья» начала девяностых – отдельный, локальный, пожалуй, даже уникальный, но на удивление типичный вариант жестко структурированного экстремистского религиозного сообщества эсхатологического толка. Понятие «brainwashing» тогда еще не было известно у нас. Но то, что мне удалось там увидеть и зафиксировать – истинная классика жанра. Основные результаты моих исследований, продолжавшихся внутри организации чуть более года, в итоге были оформлены в две солидные статьи [2], [3] (причем одна под псевдонимом, так как работа внутри сообщества продолжалась) и во фрагмент кандидатской диссертации.

Хотя все это я накопаю позже. А в начале самым интересным было просто попасть в организацию и начать ее изучать. Говоря приличным языком, речь шла о разведывательно-описательной стратегии, причем вопрос о выборе метода исследования в такой ситуации не стоял в принципе: работа была возможна только в формате закрытого включенного наблюдения. В те годы еще одним повальным увлечением научного и околонучного сообщества становится психология, и в частности нейролингвистическое программирование. Переводы Бендлера, Гриндера, Эриксона, конференции, семинары, мастер-классы, – все это не обошло и меня. И в итоге достаточно помогло в решении некоторых практических проблем. Убедившись, что напрямую попасть к «белым братьям» не удастся, я решила попробовать одну из «энелпишных» методик – «присоединение». Подойдя на улице к группе «юсмалиан», активно отбивавшихся от раздраженных граждан, я встала рядом и начала, подхватывая интонации, жесты, словечки отбиваться вместе с ними. Потом еще несколько часов совместной проповеди, подпевания, возникающее ощущение соединения, целостности, и на мой небрежный вопрос: «где сегодня встречаемся?» – адрес нужной квартиры и явочное время.

Проанализировав впоследствии принцип отбора в закрытые объединения подобного типа, уже имея достаточно большой опыт включенных наблюдений, я могу сказать, что как правило, это сугубо личностное эмоционально-интуитивное чувство «своих». Принцип абсолютно иррациональный и искусственно не очень-то моделируемый и воспроизводимый. В этом сообществе я не встретила никого, попавшего сюда при помощи посредника – проводника. Практически все «примагничивались» с улицы. В моем конкретном случае помогало и то, что социологический портрет последователей «новых религиозных движений» – «около-интеллигенция» активного молодого и среднего возраста, особенности их психоэмоционального склада (психическая лабильность, гиперэмоциональность) легко резонировали с моими собственными характеристиками, типом реакций и поведением. С одной оговоркой – постоянным осознанным самоконтролем и анализом происходящего.

Когда я оказалась внутри группы, для меня сразу естественным образом встал вопрос об этическом фундаменте используемых методов. Прежде всего для того, чтобы иметь роскошь продолжать жить с легкой душой и чистой совестью. Объясняя на лекциях студентам, почему я считаю метод включенного наблюдения допустимым и этичным, я ссылаюсь на опыт своих любимых этнографов – Сундакова, Шапошникова, Маргарет Мид. Слово герой Тартюфа, искренне удивленный тем, что

всю жизнь говорил «прозой», так и мы, схватывая интуитивно по ходу развития ситуации проблемное поле исследования, спустя годы узнавали, что нечто так и называлось еще задолго до нас. «Этнографический метод» в социологии, применяемый для исследования религиозных сообществ, в России стал маркироваться соответствующим образом и использоваться, хотя бы иногда, только на рубеже XX – XXI вв. В целом и на сегодняшний день этот метод среди российских исследователей религии не получил большого распространения. Не только из-за сложности в реализации, но, вероятно, и по этическим причинам тоже. Ведь в исследовании религии «этнографический метод» отягощается нормативно-идеологическим императивом в гораздо большей степени, чем при исследовании большинства любых других сообществ. И сегодня мы буксуем, как западная социология десятилетия назад, между Сциллой «святого», «неприкосновенного», «сугубо личного», и Харибдой «шпионажа», «выведывания», «разоблачения» и «пресечения».

Большая часть мною и для себя сформулированных этических принципов оказалась коррелирующей с «этическими кодексами» западных социологов. Если очень кратко: 1. Я иду не к «сектантам», а к людям. Интересным, непонятным, незнакомым. Чтобы познакомиться, узнать, понять. На входе «я знаю только то, что ничего пока не знаю». Примерно то, что Айлин Баркер обозначает в качестве «исходного методологического агностицизма». 2. Доброжелательный, сочувственный интерес. Желание помочь в случае необходимости. Непричинение вреда. В том числе полная конфиденциальность в отношении информантов. 3. Не врать. Даже в закрытых включенных наблюдениях, с позиции инсайдера все знали мое настоящее имя, кто я, где работаю. Здесь – включаюсь, осмысливаю, осваиваю, как любой из членов этой группы. Мне это интересно, важно, значимо. 4. Исследование феномена, явления, процесса на основании научных методов с научными же целями. А не «апологетика», и не «шпионаж», «разоблачение» или «обличение». Хотя идеальные принципы, что всем сегодня понятно, корректируются как ситуациями, так и личностью самого исследователя.

Знакомство с ведущими российскими религиоведами произошло, как и все самое значимое и интересное в жизни, совершенно случайно. В марте 1994 года с большим пакетом разнообразной информации, связанной с новыми религиозными движениями, я отправилась в Москву, чтобы поработать в библиотеках и поискать диссертационный совет для защиты. Останавливались мы обычно в гостеприимном доме папиного близкого друга и коллеги Вячеслава Леонидовича Харазова – спецкора журнала «Наука и религия». Случилось так, что в день моего прибытия ему позвонил Эдуард Геннадьевич Филимонов – последний директор Института Научного атеизма СССР, так же бывавший у нас в гостях в Красноярске. Оказалось, что завтра в Российской Академии государственной службы (РАГС) при Президенте Российской Федерации должен состояться первый с советских времен семинар для представителей всех регионов России по вопросу как раз-таки новых религиозных движений. Узнав, что есть человек со свежими материалами, меня по-быстрому отрекомендовали Николаю Антоновичу Трофимчуку, только что создавшему в РАГСе кафедру религиоведения, который включил меня на свой страх и риск в коллектив ведущих этого мероприятия. На заседание я слегка опоздала, полный зал участников и человек пять ведущих. Вопросы с мест были сугубо конкретными: практикам из регионов необходимо было узнать про новые религиозные движения все, что только можно. Ведущим приходилось туго – уважаемые московские коллеги были, как и положено, высокими теоретиками. Чаёв с «белыми братьями» и прочими «виссарионовцами» еще не гоняли. Поэтому в очередную затянувшуюся паузу я рискнула попросить микрофон. И понеслось. В течение последующих двух часов мне пришлось вести это мероприятие в одиночку, с большим удовольствием консультируя коллег по всяческим практическим аспектам

деятельности и особенностям разнообразных «новых религий». В перерыве Николай Антонович забрал меня в свой кабинет и за чаем забросал вопросами иного свойства: кто я, откуда, где собираюсь защищаться и так далее. Я честно сказала, что с советом еще не определилась, и он сразу предложил мне защищаться у него. Первым оппонентом и фактическим моим научным руководителем стал Эдуард Геннадьевич Филимонов. Причем мне посчастливилось открыть своей защитой только что сформированный диссертационный совет. На защиту пришел легендарный Лев Николаевич Митрохин. Все заседание он просидел молча в позе критического слушания, но завершил обсуждение диссертации могучим выступлением в мою поддержку. Следующие восемь лет были неразрывно связаны с Николаем Антоновичем Трофимчуком и его замечательным коллективом. До тех пор, пока он был жив. Я продолжала полевые исследования и два-три раза в год прилетала консультировать управленцев из территорий по вопросам «новых религиозных движений».

Уже через год после защиты меня пригласили на работу в Администрацию Красноярского края, в качестве главного специалиста по работе с религиозными объединениями. Стало еще интереснее. Да и с руководителем мне опять повезло.

Наталья Игнатьевна Григоренко, человек с удивительным сочетанием качеств — опытный политик, волевая, трезвая и при этом мудрая, очень человечная, удивительно женственная стала мне настоящим другом и соратником на все оставшиеся времена. Именно с ней мы разрабатывали и реализовывали первую программу комплексного исследования крупнейшего в России неорелигиозного объединения — Церкви Последнего Завета (ЦПЗ), в народе более известного как «секта Виссариона минусинского». Результаты этой масштабной работы вошли в мою первую монографию с неприлично длинным названием [4], ставшую библиографической редкостью уже вскоре после издания.

Постепенно вызревала докторская, смысл которой заключался в кардинальной, либо достаточно значительной смене методологических оснований понимания сути и качественных отличий феномена новых религиозных движений от всех иных типов предшествующих и параллельно существующих религиозных феноменов.

В ходе лангитюдных полевых исследований, сбора и обработки полученных данных я регулярно напарывалась на жесткое несоответствие между представлениями, почерпнутыми из советских книжек, современной тогдашней религиоведческой литературы, журналистских опусов, и вездесущего, вплоть до академических аудиторий «общественного мнения» и «самособойразумеющихся» выводов с теми реалиям, с которыми работала. Первое и самое простое, на что пришлось обратить внимание — количественные данные. Ведь в статьях, оценивающих численность последователей этих религий «на глазок», размещавшихся даже в весьма солидных светских изданиях, нередко фигурировали миллионы адептов, «завербованных в нашей стране новыми сектами». Еще в период работы с «белыми братьями» я развлекалась на лекциях блиц — опросах такого типа: «Каждый день, - говорила я студентам, - вы видите в городе людей из этого движения. Предположите, какова их реальная численность в Красноярске?» Цифры назывались разные, но всегда речь шла о сотнях и тысячах. Выслушав версии, я комментировала: «В нашем городе их всего двадцать шесть человек. Плюс приезжающие группы, численностью не более десятка». Броские, яркие, скандально — заметные, они создавали впечатление огромной массовки. Но вхождение в группу, знакомство со всеми и с каждым показывало совсем другую, объективную цифру. Локальные сообщества, с численностью, соответствующей параметрам классической «малой группы» — 20, плюс-минус пять человек составляли, по моим наблюдениям ядро, костяк большинства из калейдоскопа местных неорелигиозных сообществ. Все остальное, с гордостью демонстрируемое в самоотчетах и саморекламе этих объединений — быстро проскальзывающие транзитные посетители. Конечно,

есть и условные исключения. Кришнаиты — до сотни добрались только лет через десять от времени появления в крае. Мормоны имеют дело у нас примерно двумя сотнями, частично обновляемых местных прихожан. Самые масштабные — виссарионовцы. Их, с чадами и домочадцами на юге нашего края зарегистрировано около пяти тысяч. Если говорить о выбравших путь сознательно — примерно половина. Но это — практически все, на сто сорок миллионов российских граждан. В филиалах даже самых крупных городов — не более полутора десятков активистов. Процент посчитайте сами.

Еще несколько моментов, на которые невозможно было не обратить внимания: в какую бы группу я не пришла знакомиться или общаться, там непременно обнаруживалось несколько до боли знакомых физиономий хороших людей из всех параллельных, уже освоенных мною, неорелигиозных тусовок. И вне зависимости от вывески с названием, типов молитв и облачений везде и всюду до странности похожие интонации и перепевы одних и тех же сюжетов и вопросов. Постепенно стала выстраиваться система типичных, повторяющихся мотивов, которые в бесконечном разнообразии вариаций напоминали мне коктейль, составленный из одних и тех же ингредиентов, но каждый раз в разных пропорциях. И еще очень похожая, почти одинаковая эмоциональная атмосфера, которую я чувствовала кожей, нутром, солнечным сплетением. Причем все это совершенно отличалось, по моим впечатлениям, практически контрастировало, с атмосферой и содержанием обсуждаемых тем в православном сообществе, в синагоге, в мечети, протестантских церквях, которые я в силу специальности посещала и посещаю достаточно регулярно. Фактически, когда я выявляла критерии объекта и предмета исследования, стало ясно, что речь идет о феномене, называемом западными исследователями ньюэйджевскими культурами, выделяемыми ими в качестве самостоятельного и особенного явления. Но и с зарубежными коллегами наши взгляды совпадали далеко не во всем. Айлин Баркер в одном из своих выступлений поведала нам, что на первой лекции о «странных культурах» она показывает студентам коробку конфет и заявляет, что в конце обучения вручит ее тому, кто сумеет обнаружить в этом лоскутном одеяле нечто общее. Свою вторую монографию я подарила Айлин с припиской, что претендую на ту самую коробку...

Уже в первые годы исследовательской практики для меня вдребезги разбились о практические наблюдения два главных клише, наиболее тиражируемых в нашей стране в отношении «новых религиозных сообществ». Первое обозначает исследуемое явление в качестве «тоталитарных сект». Второе повествует о «кодировании-зомбировании-гипнотизировании» их пассивных жертв.

Господи, как я мечтала хоть о каком-нибудь, хоть самом маленьком харизматическом лидере, который навел бы ну самый элементарный порядок в головах действий безбашенных старушек «сахаджа-йожек», когда мы с ними полдня болтались в раскаленном автобусе по Бомбею и никто не знал, где бы нам переночевать...

Старая веберовская схема в отношении религиозных «новоделов», предполагавшая сектантскую структуру закрытого типа, где все как в страшной антиутопии контролируется и регулируется могучим харизматическим лидером и его ближайшим окружением, обнаружиться в спектре новых религиозных движений в принципе и с некоторыми оговорками вероятно, может. Хотя и весьма условно, на мой взгляд. И, как следует из веберовского же понимания, с которым я солидарна, при наличии горячего желания самих рядовых участников действия. Но представить себе в виде «тоталитарной секты» не только бахаи, но и разбитных оле-нидаловцев, романтически — пардон, разгильдяйских рериховцев, вечных девочек-себе-на-уме бабушек-сахаджайоек, колхозноориентированных анастасийцев, и многих-многих других просто нереально, если общаться с ними постоянно и регулярно.

И насчет «кодирования-зомбирования». Сотни формализованных и неформализованных интервью, проводимых мною годами в различных новых религиозных

сообществах, начинались примерно одним и тем же вопросом: «Как вы лично сюда попали? Что привело вас в эту веру?» И независимо друг от друга десятки людей говорили мне практически всегда одно и то же: «Прежде чем оказаться здесь, я искал. Я перепробовал то-то и то-то, побывал у кришнаитов, мунитов, (далее — длинный перечень всяких-разных) и вот только здесь почувствовал, что нашел Истину!!!!» Какое уж тут «зомбирование»... Целенаправленный поиск, перемещения, принюхивание, прощупывание, примерка на себя и... Либо остаться, на время или «как там видно будет», — либо дальше, продолжать поиски «того самого места, того самого сообщества, того самого гуру, даже если его уже и нет на свете!». Личная мотивация, глубинные причины этих субъективного поисков, этого конкретного выбора, этого стиля и образа жизни, особенность этих людей, выявляемая в конкретных параметрах — вот что стало объектом моих серьезных размышлений и темой моего основного фундаментального исследования. Результаты — в докторской, если кому это интересно, разумеется.

Люда, пожалуйста, разверните сказанное о результатах Вашего докторского исследования...

Если «развертывать», со всей требуемой научной аргументацией, боюсь, что получится многовато — порядка пятисот страниц. Поэтому я лучше наоборот «сконцентрируюсь» на ключевых тезисах и выводах.

Первая часть моей докторской касается природы и специфики самого явления НРД или, точнее, объекта моего научного исследования — ньюэйджевских культов. На своей вводной лекции по данному курсу, я предлагаю студентам: «Представьте себе ортодоксального христианина, который искренне веруя, отправится в мечеть, чтобы проповедать Бога Распятого и водрузить крест на киблу... Или мусульманина, который восшествует в синагогу, чтобы там, в священном месте, совершать пятикратный намаз... Или иудея, который в Индии начнет, обращаясь к Тримурти, славить Бога в его лице, или точнее, в его лицах...»

А вот у последователей ньюэйджевских культов никаких таких проблем и нет вовсе. На их домашних «иконостасиках» я много лет с любопытством рассматриваю, например, портрет Виссариона (Прабхупады, Нирмалы Дэви, Оле Нидала, Кармапы и т. п.) в обрамлении православных иконок и католических картинок, арабской вязи исламских молитв, прилепленных над фигурками китайских и индуистских божеств, священных камушков и веточек, душистых палочек и церковных свечечек. Сергей Борисович Филатов в одной из своих работ сравнил ньюэйджевское пространство с лемовским океаном из «Соляриса» — однородное, аморфное, текучее и пластичное непонятно что, трансформирующееся в мириады любых внешних форм, типажей и проекций.

Иначе говоря, вне зависимости от своих самых разнообразных фасадов, бантиков и рюшечек, символов и лозунгов, харизматичности лидеров и численности последователей, глубинным ядром вероучений ньюэйджевские культы имеют общий принцип, выражаемый краткой формулой «религий много — Бог один». Даже в тех случаях, когда это не очевидно. Изначально обратив внимание на однотипность лиц, интонаций и проблемных полей в различных сообществах, я начала предметно исследовать вероучительные тексты и прабхупадовских кришнаитов, претендующих на традиционалистскую аутентичность с классическим бенгальским вайшнализмом, и сайентологов, называющих себя современной «наукологической» религией, и Церкви Последнего завета — Виссариона, именующего себя Христом во втором пришествии, и ряда других заметных и влиятельных движений данного типа. В итоге возникшая гипотеза полностью подтвердилась. Везде и всюду мною была обнаружена четко сформулированная идея о том, что все, абсолютно все религии восходят к одному и тому же сакральному источнику. И это: нет, это не совсем тот, а скорее всего и совсем не тот

Бог, который когда-то открыл себя на Синае избранному народу... Это: «Космический Разум», «Абсолют», «Вселенское информационное поле», «Божественное, дремлющее начало самого человека», «великое Нечто или Великое ничто», и так далее до бесконечности. Где «тот, который есть то, что он есть» низводится на уровень частного феномена в гранях иных и разных проявлений сакрального первоисточника, а его сыновняя ипостась рассматривается через запятую в перечне великих и весьма абстрактно почитаемых пророков человеческой истории.

Конечно, здесь появляется соблазн апофатического дискурса, но...! Лозунг «религий много — Бог один», по своей сути исходно является антитезой первой из десяти библейских заповедей «да не будет у тебя других богов перед лицом моим».

С этим ньюэйджевским лозунгом вряд ли смогут согласиться и иные мировые и национальные религии, будь то буддизм, исторически сложившиеся верования Индии, Китая или любые другие традиционные религии народов мира. Неприемлемость язычества для авраамических религий, неприятие авраамического монотеизма индуистами, синтоистами, даосами и так далее. В эзотерических традициях, гностицизме, масонстве и тому подобных скрытых течениях, принцип этот имел место быть и в ранешние времена. Так же как и в европейской философии религии Нового и Новейшего времени, прозревавшей начало великой цивилизационной интеграции. Однако в традиционном поле конкретных религий иначе как ересь этот тезис не определялся и не определяется — достаточно посмотреть антикультовую аргументацию так называемого сектоведения любой традиционной религии, особенно ислама или христианства. Общие типичные черты этих культов: всеядность и поверхностность, упор на простые и понятные практические вещи в большей степени, чем на сложное и серьезное собственно религиозное углубление, требующее последовательности, духовной дисциплины и непрерывного труда. Обрывки, кусочки и лоскутики, понадерганные отовсюду, но скрепленные крепкой нитью новых реалий и качественно новых проблем. Лоскутные пестротканые мозаики игрового, но безумно настоящего и кричаще-надрывного постмодернизма.

Причиной, порождающей, подпитывающей и провоцирующей такое принятие универсалистского религиозного дискурса, на мой взгляд, является объективная реальность последних полутора сотен лет, связанная с научно — технической революцией и всемирной интеграцией, сегодня определяемой как глобализация. Насколько же проще жителю интернационального мегаполиса принять означенный ньюэйджевский лозунг, нежели упираться в собственную, представляющуюся уже архаической, традицию. Насколько естественно думать так же виртуальному путешественнику, нажатием кнопки пульта телевизора или компьютерной клавиатуры мгновенно перемещающемуся в разноликие и тем притягательные пространства иных культур и цивилизаций.

Но ньюэйдж говорит и про другое. Комплекс совершенно новых проблем, порожденных качественно новыми реалиями человеческого бытия, вызвал к жизни и новые ответы, в том числе в проекциях новой религиозности. Не случайно, социологи всего мира, исследующие этот бурно развивающийся феномен, солидарны в том, что в его составе тон задают представители среднего класса, активные, образованные, в меру состоятельные, и я бы добавила — креативные. Но если в шестидесятые это были по преимуществу молодые бунтари, что вполне вписывалось в тезис У.Черчилля: «Кто в двадцать не революционер — тот подлец, кто в пятьдесят не консерватор — тот дурак», то сегодня возрастная планка смещается. Задорные и энергичные представители третьего возраста, в нашем случае — недавние комсомольские и профсоюзные активисты, ломая традиционалистские стереотипы, скандируя: «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать!», бодро пополняют ряды искателей новых духовных откровений, исцелений и омоложений.

В целом качественную трансформацию сакральных смыслов онтологического и аксиологического характера, соотносимых с классическими религиозными формами можно кратко обозначить еще несколькими важнейшими позициями:

- теоцентризм сменяется антропоцентризмом. Не «тварь дрожащая», а «человек — это звучит гордо.. так как сиречь сам себе бог есть» (несколько по-советски узнаваемо, хотя здесь не идеологическая, а сугубо религиозная проекция). Издержки человека века двадцатого - «царя природы» и «покорителя мира» в неорелигиозной интерпретации..
- псевдосциентизм: излюбленное вступление, универсальный аргумент манипуляции и бесконечный припев к каждому ньюэйджевскому вероучительному откровению: «в последние десятилетия ученые доказали, что..», «современная наука уже установила..», «академик такой-то выявил потрясающие вещи..» и далее — чакры, мантры, йети, инопланетяне, торсионные поля, фохатизация всей планеты, астральное, ментальное, и прочие энергетические тела, экстрасенсорные способности самоомоложения, тотального холистического исцеления и трансформации в сверхчеловека... уже в процессе! Только у нас, самых передовых и особенных! и по весьма сходной цене... Да и собственные центры иначе как «институтами», «академиями», на худой конец «школами высших (сакральных, эзотерических, тайных) знаний не называют... Понятно, в связи с тем, что роль и влияние, проблемность, полипарадигмальность реальной науки в современном мире, вероятно, не требуют здесь специальных комментариев.
- посюсторонность под лозунгом «спасение здесь и сейчас!». Призрачные до нереальности для человека, воспитанного в секулярной среде, потусторонние перспективы спасения или гибели, в представлениях типичного ньюэйджера замещаются реалистическим духовным гедонизмом в бесконечных вариациях на любой спрос: от авантюрных сакрально-мотивированных путешествий до творческого около-аскетического мазохизма, от креативных домашних тусовок до увлекательного коллективного строительства «этого нового прекрасного мира» где-нибудь в сибирской тайге или болотах южной Индии и так далее... Вечная позитивная посюсторонность, вечно розовые очки, в которых посмертное бытие — увлекательное путешествие в стиле Джонатана Ливингстона или ура-реинкарнация с безусловно хорошим продолжением. Парадоксальное внешне, протестное бегство от культа потребления и потребительства, и все новые и новые раздражители, быстро приедающиеся и сосущая, бездонная не наполняемая пустота внутри, требующая все новых и новых попыток ее преодоления. Потеря смысла через ломку того, во что верил изначально, но был обманут, поиск и моделирование новых идеалов, которые оборачиваются старыми граблями... Протест, на фоне всеобщего внешнего благополучия и даже пресыщения, и снова бег по замкнутому кругу. Вокруг себя, любимого, со все теми же жгущими и мало меняющимися внутренними проблемами и состояниями. Неудовлетворенность сквозь видимость вседозволенности и пресыщенности, — фактор, весьма неожиданный, хотя и случавшийся уже в контексте мировой истории. Фактор, не менее грозный, чем явные катастрофы, как для человека, так и для человеческой культуры. Увы...
- оптимистическая футурология. Конец света уже прошел, расслабьтесь и возрадуйтесь! Это был не тот конец света, который в Апокалипсисе, а тот, который в теософии: это конец Кали — юги и наступление золотого века, конец Эры Рыб (христианской) и наступление Эры Водолея (ньюэйджевской), конец эры мужской грубой силы и наступление эры великого женского начала, конец эпохи Отца небесного и начало эпохи Матери мира и Земли — Матушки ...

И вообще, тот конец света, которого ждут почитатели Торы, Библии и Корана — мы не допустим, потому что он ментально моделируется теми, кто о нем думает и говорит. Впереди — сплошной позитив. «Зачем же нам конец света?» - звучит подтекстом в игровой надрывной культуре ньюэйджа. Ведь именно сегодня настоящий, подлинный конец света стал как никогда возможен и абсолютно нерелигиозно реален. Пусть уж лучше будет пир во время чумы, которую мы как бы и не замечаем... или «ментально и духовно преобразуем..»

- феминистский дискурс духовного лидерства: женщина — источник жизни, смыслов, пророчица и устроительница (все с большой буквы). Следовательно — не ребро, не «помощница человеку», не жена и мама в традиционной семье, но свободная духовная искательница, вдохновительница, экспериментаторша и лидерша. Елена Блаватская и Елена Рерих, Мэри Профет и Марина Цвигун, Луиза Хей и Барбара де Анджелис, — духовные наставницы и идеалы... Подумалось, что только у одной из всех названных женщин (Елены Рерих) была счастливая личная жизнь и два замечательных сына, поскольку ей одной очень повезло с мужем. Скажу как женщина: мне этот аспект представляется бумерангом, долбанувшим по самим феминисткам. По принципу «за что боролись, на то и напоролись». Или просто неким компенсирующим выходом для тех активных, ярких, неординарных и внешне успешных женщин, которым в свободном полете не случилось встретить своего настоящего мужа, как бы очень того не хотелось... Или не очень счастливым в браке... По крайней мере, в российских ньюэйджевских движениях, по моим личным наблюдениям, такие женщины составляют весьма заметную часть их актива. О современном кризисе института семьи, проблемных межполовых отношениях и демографических диспропорциях, прежде всего в так называемых развитых странах и в России социологи уже написали и продолжают писать столько, что и тут мои пространные комментарии излишни.
- сакрализованный антиурбанизм с призывом: «назад — к природе!» Усталость потомственного горожанина от прогресса, вечной гонки, вечного цейтнота, вымороченной жизни офисного планктона или иного винтика холодного социального механизма, бетонно — стеклянных катакомб мегаполисов и одуряющего рутинного бытия по алгоритму дом-работа-телевизор (компьютер). Пасторальные иллюзии «простой и естественной жизни на лоне природы», мечты о бабочках-цветочках-березках, звенящих прозрачных ручьях и чистом-лучистом снеге, вокруг уютной маленькой избушки... Где коровы питаются круглый год подножным кормом, один кедр может прокормить целое семейство, один гектар «родового поместья» — род, где все растет само собой, а белочки и птички, прирученные и счастливые приносят нам семечки и орешки.. И в итоге спектр культовых предложений — от летних неоязыческих фестивалей до реальных избушек, хорошо, если не развалюшек, взамен проданной городской квартиры, коллективных или индивидуальных поселений ньюэйджевского толка под различными вывесками или вовсе без оных, по великим и необъятным просторам нашей Родины...

Вторая часть моего исследования посвящена проблемам личности, точнее личностной мотивации последователей рассматриваемых движений. Путем достаточно наглядных и документально подтверждаемых подсчетов, в работе обосновывается весьма и весьма скромная численность активных участников российских ньюэйджевских движений и объединений. Не абстрактные миллионы или сотни тысяч «зомбированных сектантов», а сотые доли процента населения нашей страны. И здесь возникает вопрос: кто же эти очень немногочисленные и очень странные люди, которые вопреки все тем же страшилкам о «сектах», среди которых

формировались и они сами, вопреки общественному мнению и видимому здравому смыслу, будучи совершеннолетними, вменяемыми и дееспособными оказываются невесть где и невесть зачем, резко поменяв привычки, круг общения, самый способ существования...

Как о том уже было мною сказано выше, многолетнее общение с сотнями людей из различных ньюэйджевских объединений привело меня к однозначному мнению о целенаправленном и совершенно осознанном поиске и выборе своего пути подавляющим большинством этих личностей.

Если говорить об этом предельно кратко и сжато, то общим выводом, сделанном на основании огромного числа автобиографических рассказов моих информантов, больше напоминающих исповеди, порой многочасовые, общая причина их поиска и выбора – невозможность продолжать дальше жить «как все». За внешне бодрыми и гордыми, улыбающимися и обаятельными, беспечными и самоуверенными масками открывались такие изломанные, исковерканные, измученные, растерянные и судорожно, упрямо мечущиеся души, что передать это парой общих фраз боюсь, что у меня просто не получится... Сказать, что это острая неудовлетворенность – значит, почти ничего не сказать. Это просто – вопреки всему жить не по рекламным стандартам телевизора или голливудской продукции, а по зову протестующей души, порой уже болящей или немеющей до такой степени, что все остальное-внешнее (включая пресловутое общественное мнение) становится совершенно неважным. В девяностых для многих это был способ в разверзающихся хлябях нащупать спасительную кочку.. И не важно, уйдет ли эта кочка вместе с тобой в болото через время, главное сейчас – зацепиться и выжить, отключиться от внешнего, навязанного и уплыть вместе со своей пораненной душой в те иные миры, в которых будет хорошо... В которых сразу – хорошо.

Для нашей страны особым стимулом появления ньюэйджевской религиозности стала пресловутая перестройка. В переломные девяностые рухнуло все, что было прежде. И те, для кого отречься от всего прежнего стало равносильно отречению от себя самого, не перестроившиеся, не смирившиеся, не приспособившиеся... стали просто гибнуть. Тихая, неэпатажная статистика прошедшего двадцатилетия – о динамике смертей от сердечно – сосудистых заболеваний, гипертонических кризов, инсультов, алкоголизма, наркомании, суицидов, психических заболеваний... Эти цифры в разы больше, гораздо страшнее, зато не так проявлены и заметны во внешнем мире.. Следовательно, в отличие от ньюэйджеров не провоцируют и не особо будоражат общественное сознание. Все это и многое сюда же... Обесмысливание жизни и нивелирование ее до уровня простого существования. Существования, в котором высокую романтику веры и служения, подвига и самопожертвования, любви и дружбы, бескорыстия и верности заменили эрзацы потребительского бытия с их плоскими утилитарно – прагматическими предложениями, рутинностью, неприкрытым цинизмом и бесстыдством, культом денег, насилия и секса, воинствующей пошлостью, всем тем, что в академических кругах зовется аномией, со всеми вытекающими. «Если Бога нет, то его следовало бы придумать»... Но для постсоветского искателя духовности знаменитая фраза Вольтера на этом месте и заканчивается, ведь видеть, что в этом нет необходимости, ибо «вся природа кричит о том, что Он есть», как завершил сей тезис ироничный француз, его не научили ни в теории, ни в реальности... В самых легких случаях, особенно в последнее десятилетие, – тотальная скука и тоска, протест против обыденности, желание приключений, острых впечатлений, ярких переживаний, необычных знакомств, нового зажигающего опыта. Не всем по плечу пути Тура Хейердала или Федора Конюхова, но в своей собственной жизни безумное стремление к свободному полету в стае таких же «белых ворон» в неведомые дали, для некоторых становится риском, ради которого они готовы поступиться не только

общественным мнением, но и собственными близкими, иногда и самой жизнью... Невостребованность, невозможность выплеснуть избыток нормальной жизненной энергии и социальной активности, острая жажда высокого смысла, романтики, самореализации, эксперимента, нонконформизм – все это, оформленное в эпатажные ньюэйджевские культы было названо мною «социальным набатом» – «По ком звонит колокол...?» Не по каждому ли из нас...

Вы консультируете властные структуры по вопросам политики в области религии. С какими проблемами они сталкиваются, в какой мере прислушиваются к Вашим рекомендациям?

Власть и религия – тема совершенно отдельная... Когда-то, в далеком теперь 1994 году, я робко задала вопрос на эту деликатную тему своему первому научному консультанту – Эдуарду Геннадьевичу Филимонову: «Как Вам удалось, будучи совсем не политиканом, не конъюнктурщиком (читай – нормальным, совестливым человеком) стать директором Института научного атеизма СССР?» Эдуард Геннадьевич меня хорошо понял. И мягко улыбнувшись, ответил: «Понимаешь, при всем прочем, властям во все времена в конкретных ситуациях бывают нужны реальные специалисты... И конъюнктурщик тут ничего не сделает». Эту сентенцию я вспоминала потом неоднократно. В моей дальнейшей судьбе не только консультирование, но и мое собственное, пусть не очень продолжительное, но очень интересное «хождение во власть» принесло и еще одно важное понимание. Мифологемы общественного сознания, формирующие представления о власти, как чуть ли не о банде «поголовно коррумпированных бездушных чиновников», жестко контролирующих все аспекты социальной реальности, этаких монстрах, прорывающихся к кормилу лишь в целях собственного утверждения и обогащения, так же далеки от реальности, как и мифы о «миллионах зомбированных сектантов». И там и здесь встречаются очень разные люди. Попадают порой весьма экзотические персонажи. Много ярких, неординарных личностей, много просто хороших очень ответственных добросовестных тружеников, ну и любых других, которые в конкретных жизненных ситуациях ведут себя, соответственно, очень по-разному.

Впервые, краевые власти обратились ко мне летом 1994 года, когда перед ними встала непростая задача – разобраться и понять что творится на юге края, в Минусинске и его окрестностях, куда понаехали странные люди со всей страны, поклонники бывшего милиционера ППС и самодеятельного художника Сергея Торопа, объявившего себя ныне «Христом во втором пришествии». Принять участие в готовящейся выездной комиссии я сходу согласилась, тем более, что небольшой опыт личного знакомства с Виссарионом, как стал именовать себя «новый мессия», у меня уже был. Правда отправилась я туда не с официальной делегацией властных структур, на черных «Волгах», а своим ходом, что называется «с улицы». И, как и предполагала, обнаружила за пять дней своего полевого исследования и для себя и для пригласившей стороны весьма и весьма много интересного и даже неожиданного.

Второй звонок из «серого дома» (как называют у нас здание администрации края), прозвучал в нашей квартире уже через год и оказался для меня, свежее испеченного кандидата философских наук, преподавателя кафедры философии и социологии педагогического университета, совершенной неожиданностью. Мне прямо, без обиняков предложили поменять место работы и стать специалистом по делам религий одного из структурных подразделений администрации края. На тот момент, после упразднения в 1991 году должности Уполномоченного Совета по делам религий, этой темой во властных структурах края никто предметно и тем более профессионально не занимался. Я некоторое время пребывала в легкой растерянности, не очень понимая зачем мне это нужно и нужно ли вообще... Убедил меня в резонности такого изменения

профессии мой старший брат Алексей, имевший опыт работы инструктором крайкома комсомола еще в советские времена. На первой встрече с моим будущим начальником, о которой я уже упоминала, Натальей Игнатьевной Григоренко, трудно сказать, кто из нас больше волновался — я или она... Но уже осенью мы вместе с ней и еще рядом руководителей снова отправились к виссарионовцам. И эта поездка получилась достаточно продуктивной. К моим выводам и рекомендациям прислушивались однозначно. В те поры нашим губернатором был интеллигентный и выдержанный профессор-экономист Валерий Зубов, ныне депутат Государственной Думы. При нем в администрации края порядки были очень демократичными. Например, не представляло проблем зайти в здание и прогуляться по всем его этажам и приемным, включая и губернаторскую, любому желающему. Для этого было достаточно сообщить милиционеру на входе, что ты идешь пообедать в местную столовую, что никому не возбранялось. Посетители официальные шли сплошным потоком, вопросы решались по мере поступления и возможностей. Мне выделили персональный маленький узкий и вытянутый кабинетик (что для рядовых специалистов было роскошью и редкостью), в связи со спецификой моих посетителей.

Да уж, есть о чем вспомнить. Дивный православный священник Н., дедуля — божий одуванчик, ратовавший за открытие нового монастыря, одновременно отгоняющий бесенят у меня за левым плечом и приветствующий ангелочков за правым... Громила Д., весь фиолетовый от наколок, который дико вращая глазами, требовал, чтобы я призвала к порядку епископа Антония, который не желает признавать их «новое православное братство «Благоразумного разбойника», из таких же, как он сам «недавно откинувшихся» бандюков и убийц. Обаятельный примас (так и хочется написать «примус») местных католиков, поляк Антоний Бадура, огорченный тем, что религиями ведает не мужчина. И вовсе не из женоненавистнических мотивов, а потому, что творчески применяя местные традиции в католических целях (вероятно, в соответствии с решениями второго Ватиканского собора), он проводил неформальные посиделки со всеми значимыми персонами (в том числе протестантскими лидерами) в собственной баньке при хорошем таком домишке — монастыре. А с женщиной этот приемчик не работает, обидно, однако... И очаровательные монашки — кларетинки, которые упражняясь в русском языке на монастырских застольях, куда и меня приглашали несколько раз, увлеченно так распевали под гитару: «Ой цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я!». Вереницы протестантов всех деноминаций, которыми так известно в религиозоведческих кругах, отличается наше Зауралье. Председатель Сибирской Христианской Миссии Милосердия евангельских христиан, Виталий Иванович Коломиец, через руки которого проходили сотни тысяч долларов на благотворительные цели, а сам он ютился с женой и семью детьми в малюсенькой комнатке типового общежития. Молодой и талантливый выпускник Одесской баптистской семинарии, строитель красивейшей новой церкви «Благодать», реформатор и политик, бесспорный авторитет среди всех тогдашних протестантских лидеров нашего края, Александр Иванович Пузанов. Вынырнувшие из подполья Свидетели Иеговы, их лидер Евгений Николаевич Зинич, интеллигентный, спокойный, с мягким и очень тонким юмором, подтянутые и пока еще мне малоизвестные мормоны, несущие пачки своей литературы и видеокассеты с собственной продукцией... Регулярно наведывавшийся, по поручению правящего архиерея родной РПЦ, светлой памяти молодой и непосредственный о. Валерий С., периодически с детским простодушием сообщавший, что: «...а вот, знаете, вас ведь все считают тайным белым братом..», через год моей работы в администрации: «а вот знаете, ведь вас теперь все считают тайной протестанткой..», еще через год: «а вот знаете, а уж теперь -то вас все считают тайной иудейкой...». Милейший Яков Вольфович Бриль, с которым вместе мы организовывали и курировали визит в наш город директора Института иудаизма в

Израиле, похожего на сказочного гнома, удивительного маленького, доброго и очень мудрого раввина Адина Штайнзальца... Странно вспоминать теперь, что в те не столь уж давние времена, мусульмане в Красноярске были представлены в основном сибирскими татарами, а Вильдан Вильданович Авхадиев, возглавлявший местную общину, был спокойным стареньким дедушкой, весьма далеким от политических страстей и проблем межэтнического взаимодействия мусульманских диаспор... Разборки в исламской среде, в основном среди мусульман - азербайджанцев тогда уже были, но на уровне криминальной конкуренции в дележе рынков и других экономических сфер влияния. Что к моей непосредственной теме прямого отношения не имело. С моей любимой Натальей Игнатьевной мы уже летом 1996 года организовали и провели грандиозное обследование виссарионовцев. Собрали в свою команду 36 разных специалистов: врачей, представителей органов образования, соцзащиты, психологов. И конечно же, провели масштабное социологическое исследование, результаты которого были позднее опубликованы мною в первой монографии и двух статьях о Церкви Последнего Завета. Подвел нас в этой экспедиции только один член нашей комиссии – тогдашний главный психиатр края, по совместительству ведавший еще и наркологией. Сразу же, едва успев сесть в поезд, везущий нашу доблестную комиссию в Курагинский район, он начал кушать водку большими порциями, ссылаясь на нервные перегрузки своей особенной работы, утром продолжил столь же рьяно опохмеляться и не просыхал до тех пор, пока мне не пришлось на второй день пребывания в поселениях ЦПЗ просто жестко выставить его обратно, с глаз долой...

Работалось мне легко. Было полное понимание с руководством, мы исходили из единого видения приоритетов – гражданского мира и согласия, примата конституционных принципов, использования социальных ресурсов религиозных объединений в интересах общества, в интересах людей. Самым важным и значимым в работе, для меня была возможность доступа к информации, касающейся всех аспектов нашей темы на официальных и около официальных уровнях, аналитика, выработка практических рекомендаций и их итоговая результативность. Как это выглядело со стороны? Сошлюсь на мнение моих уважаемых коллег. Спустя несколько лет после своей работы в администрации, будучи в Москве, зашла по обыкновению в книжный магазин, сняла с полки только что изданный «Атлас религиозной жизни современной России», открыла, как всегда наугад и .. прочитала: «Красноярские власти сотрудничают с различными объединениями, а не только с «традиционными», на практике. Несмотря на то, что в большинстве регионах России представители власти боятся привлекать все конфессии и религии к социальной работе, красноярская политика показывает, что таким образом власти решают массу задач по развитию гражданского общества... В 1990-е годы традиции мирного сосуществования религий и толерантности были сохранены и преумножены. Основы современной политики в определенной степени были заложены при губернаторе Валерии Зубове (в 1993-1998 годах), который стал поощрять благотворительную работу, прежде всего, православных, протестантов и католиков, и без большой симпатии относился к требованиям епархии получить как можно больше собственности. За религиозную политику при Зубове отвечала Людмила Ильинична Григорьева, чья деятельность фактически и сформировала нынешний образец отношений власти и церквей в социальной сфере (в настоящее время Людмила Григорьева – профессор, один из ведущих религиоведов Сибири)» [5].

Чем мы конкретно занимались в эти два с половиной спокойных года? Да много чем: решали вопросы о возвращении культовых зданий их законным владельцам, о выделении земли под строительство новых (например, именно в эти годы были заложены ныне действующие армянская церковь и мусульманская мечеть). Создали Общественный совет по делам религий при губернаторе, который коллегиально решал наиболее сложные и комплексные задачи. Из интересных инициатив вспомнилось

наше масштабное, совместное с Фондом медицинского страхования, мероприятие по добровольческой (сейчас бы сказали – волонтерской) помощи больницам краевого центра и края. Проблемой стало то, что в отделениях тяжелых лежачих и послеоперационных больных катастрофически не хватало санитарок. Грошковые зарплаты, тяжелая, грязная работа. Случалось, что несчастному человеку, у которого в городе не было близких, некому было подать стакан воды, поправить подушку, обмыть и уж тем более, подержать за руку, просто по-человечески поговорить с ним. Главные врачи всех крупнейших больниц – Второй городской, Глазного центра при краевой больнице, Больницы скорой помощи, Ожогового центра – с большой радостью поддержали этот проект.

После чего мы предложили лидерам всех зарегистрированных конфессий принять участие в этой долгосрочной акции. Одним из ключевых условий нашего соглашения было – помогать людям, но не проповедовать. Соблюдая принцип светскости и реализуя право на свободу совести. Откликнулись, прежде всего, крупнейшие протестантские конфессии и следом – Русская православная церковь. Составили пофамильные списки добровольцев, графики посещения больных, провели необходимое консультирование и теоретическую подготовку, оформили пропуска. Через полгода собрали на нашем Совете всех главврачей и всех представителей церквей, обсудили, что и как получается. Оказалось, что очень даже хорошо получается. Опыт начали расширять, привлекая те населенные пункты, в которых были стабильные организованные религиозные объединения. Эта акция продолжалась на протяжении многих лет и после завершения моей работы в администрации края. Наверное, кому – то покажется крамоллой, но когда администрация одного из районов города, в котором тогда дислоцировались наши социально активные кришнаиты, попросила привлечь их к социальной патронажной службе помощи старикам и инвалидам (пол помыть, за продуктами сходить, книжку почитать), то и здесь мы дали зеленый свет. Поскольку всех своих знаем, могу сказать, что ни один из опекаемых, кришнаитом в итоге не стал, а вот наши вайшнавскоориентированные россияне, очень хороший опыт реальных добрых дел в своей жизни получили.

Все эти годы я продолжала и преподавать, и регулярно, примерно два-три раза в год, летать в РАГС на свою родную кафедру, консультировать коллег из всех регионов России по все той же любимой теме. Но когда после официальной части начинались самые важные неформально – кулуарные и душевные вечерние общения, мне не очень удавалось вписываться в обсуждение с каждым годом все более насущной темы – укого сколько скандалов и судебных процессов в религиозной сфере в минувший срок состоялось. Здесь похвастаться было просто нечем. Ни одного скандала, и, что сейчас тоже несколько странно вспоминать, ни одной судебной разборки. Все тихо – мирно. В 1998 году меня даже пригласили выступить на Комиссии по делам религий при Президенте, поделиться опытом нашей работы.

Что в этой работе меня не радовало? Да много чего. Ежедневное и круглогодичное обязательное залипание попой на стуле в четырех стенах с 9.00 до 18.00. Спасалась тем, что по закону о государственной службе преподавать не возбранялось, а согласовывать свое расписание с начальством удавалось без проблем. Огорчало, что возможность свободных полевых исследований так же резко сузилась. Три самых замечательных преимущества преподавательской профессии – июнь, июль и август, теперь проплывали мимо, за окном моего внесезонного и вневременного кабинетного пенала. Временами, особенно летом, когда поток посетителей и бумаг резко иссякал, и все затихало, казалось, что это принудительное высиживание стагнирует не только мышцы, но и мозги, и чувства, и самую мою жизнь. Не добавляло энтузиазма превалирование бумажной работы над живой, ее ритмичность и монотонность, что очень диссонировало с моим характером и привычками.

И все же иногда мне удавалось вырываться, используя преимущества новой профессии. Командировки, участие в конфессиональных официозах, различные нами же организуемые мероприятия, общение с коллегами, забегавшими в перерывах на чашечку чая, нахождение в самом центре политических, быстро меняющихся событий. В целом, скорее нравилось, чем наоборот.

Но продолжалась моя спокойная и интересная жизнь в «сером доме» только до прихода нового губернатора. Которым стал легендарный харизматичный генерал Александр Лебедь. Вследствие этого жизнь моя стала еще интереснее, но вот спокойной быть перестала напрочь.

В те поры бои за власть были самыми что ни на есть настоящими: с компроматами, скандалами, интригами и даже побоищами между представителями конкурирующих претендентов. Мы оторопело наблюдали по телевизору как с воплями и руганью вцеплялись друг другу в волосы борцы за демократическую избирательную кампанию. Не менее шокирующим было и «взятие серого дома» новой властью. Всю первую неделю с музыкой и гамом, залетные разбитные дамочки и хлопцы в кожаных куртках и только что не в наганах на боку, тягали по кабинетам ящики с шампанским и поздравлялись до поросычьего визга. Дым коромыслом от этой гульбы стоял такой, что после интеллигентного Валерия Зубова мы в принципе не понимали, что происходит и как такое возможно.

В команде Лебеда особым боевым задором выделялась некая могучая бабуля лет за шестьдесят, в красных сапожках, украинских нарядах и с косами вокруг головы, яркая и громогласная, как пожарная машина. Себя она называла не иначе, как «мать казачья» или «боевая подруга Александра Ивановича». И действительно, эта выпускница торгового техникума, соратница Лебеда по Приднестровью, пользовалась неограниченным доверием боевого генерала. Вот с нее-то и начались изменения в моей профессиональной сфере. «Мать казачья» оказалась истово — православной и на этом основании решила взять на себя курирование религиозных вопросов. Наша первая с ней стычка, она же и первое знакомство состоялось как раз на этой почве. В первые дни воцарения новой команды коллеги принесли мне в кабинет газетки с новостями о том, что готовится публичное освящение администрации края. Поразвлекавшись шуточками на тему о том, какую же бригаду сюда надо заслать, и о том, что всю ее стоит отправить в мой кабинетик, куда кто только не ходит, я все же сочла необходимым написать служебную записку с указанием всех статей Конституции и законов РФ, согласно которым такое действие в этих стенах выглядело неправомерным и недопустимым. Коллеги слабо верили, что кто-нибудь из новых на это всерьез отреагирует. Однако, паче чаяния, в самый день назначенного освящения, с утра пораньше меня вызвали к одному из советников губернатора, который оказался весьма озадаченным, открывшимися ему вдруг непредвиденными юридическими обстоятельствами. После недолгих обсуждений решили спустить ситуацию на тормозах и попросить отцов отслужить молебен перед крыльцом, к радости собравшихся там со всего города православных бабулек. Всех, кроме одной, той самой «казачьей матери». Подлетев ко мне, она грозно возопила: «Это ты что ли отменила, то что я назначила!?!». Пришлось скромно объяснить, что отменять — не в моих полномочиях. А вот проконсультировать о законе, да, конечно. С этого дня у меня появился свой личный, персональный враг в лице означенной «боевой подруги». Вскоре все верующие со своими вопросами стали направляться уже не в мой, а в ее кабинет. И это было весело! Скажем, забегают ко мне баптисты, спрашивают: «Как там эта новая?». Я им говорю как есть: «Она протестантов не любит, будьте повежливее!». А через полчаса они снова вваливаются в мой кабинет и уже хохочут: «Мы зашли, она и спрашивает — а вы кто будете?» Мы честно говорим: «Баптисты!» Она с облегчением комментирует: «Слава Богу, что баптисты, а то я уж боялась, что протестанты!». Вскоре хохотал уже весь

РАГС, когда потрясая георгиевскими крестами на могучем бюсте, «мать казачья» вещала с большой трибуны, что она думает о религии и религиозной политике. Даже довольные поначалу таким оборотом, православные батюшки, появляясь по своим делам в наших коридорах, вскоре стали заныривать в ближайший кабинет и прятаться чуть ли не за вешалку, увидев издали красные сапожки и вышитую сорочку. Потому что, настигнув священника, «боевая подруга» начинала его истово лобызать, засыпая всяческими вопросами и многоэтажными идеями и предложениями. Что же до меня, то я, как тот хакас в степи, продолжала жить по принципу «что вижу, – то пою», комментируя все происходящее с тем же удовольствием, что и сейчас. Надо ли говорить, что вскоре на меня начались гонения, о которых я прежде и подумать не могла. Сперва меня отстранили от любимой работы. Затем перевели от моей Натальи Игнатьевны и определили под начало к новому человеку, приглашенному в команду Лебеда со стороны, его же непосредственным начальником была сама бабуля. Заставили меня выполнять механическую работу по вырезыванию ножницами и складыванию в стопочки каких-то газетных заметок. Начали контролировать мои уходы и приходы на преподавательскую работу, а потом в один прекрасный момент и вовсе запретили преподавать. Далее началось прессингование с требованием написать самой на себя лживую объяснительную, на основании которой меня могли уволить по нехорошей статье безо всякого выходного пособия. Я отбивалась изо всех сил, вместе с Натальей Игнатьевной писала докладные на имя губернатора, но становилось все сложнее и сложнее. И тут снова на выручку пришел мой старший брат. Обсудив со мной все происходящее, он предложил: «Слушай, бабка эта впечатлительная, попробуй сделать то-то и то-то». На следующий день, всем забегающим ко мне на чашечку чая коллегам, я с горестным и задумчивым видом вещала примерно следующее: «Жалко, конечно, бабку... Но тут уж я не виновата, все видели, я терпела, сколько могла.. Не понимает она, бедняга, что в силу своей специальности кое-чем я и сама владею.. я же религией всю жизнь занимаюсь... да еще и эзотерикой всякой.. работа у меня такая... Конечно, начну я с небольшого.. только ее же зло на нее же разверну. Урочить ее пока не буду. Глядишь, еще образумится... Пусть уж на себя теперь обижается». Надо ли говорить, что к концу дня по всему серому дому народ с интересом обсуждал эту увлекательную тему и делал стойку на будущее. Конечно, не узнать о моих разговорах «мать казачья» просто не могла. Шел весенний месяц март, на улицах было скользко и ветрено. Следующим утром, торопясь на работу, «боевая подруга» грохнулась на ровном месте, и, увы, поломала себе руку. Серый дом тихо охнул и притих. А я со скорбным видом целый день комментировала: «...вот, предупреждали же ее, не вняла, не покаялась... а ведь дальше и хуже может быть...» С этого дня отношение ко мне круто изменилось. После всплеска реальной паники, когда новый начальник хватал меня за руку на лестнице, трясясь и подергиваясь: «Это правда вы? Это правда вы сделали??» На что я ласково отвечала: «Правда-правда, то ли еще будет..» – так вот после этого всплеска меня стали побаиваться и диктовать условия стала уже я сама. Остаться в этой живописной кампании разнокалиберных авнтюрюг у меня уже не было ни малейшего желания, о чем я и заявила начальнице отдела кадров. Оговорила оптимальные для себя условия увольнения, с годом получения полной зарплаты и решила заняться докторской, благо, что и в докторантуре РАГСА уже числилась, и материал был уже набран и осмыслен. А потом, после моего ухода начались и вовсе непредвиденные действия. Проблемы в религиозной сфере нарастали как снежный ком, решать их оказалось некому и мне снова начали звонить из серого дома, с просьбой помочь разобраться, написать ту или иную справку, проконсультировать или посоветовать. В случае необходимости за мной присылали машину, и я ехала делать то, что было реально нужно делать. Текучка кадров в команде Лебеда была колоссальная, новые люди менялись один за другим. В этот второй период мне довелось познакомиться с

новым замом по социальным вопросам – Надеждой Ивановной Кольбой, которая позже окажется в том самом вертолете и разделит судьбу губернатора.... Кольба была из наших, красноярских, не знаю, кто порекомендовал ее и почему она согласилась, но человеком она была замечательным. Мы сразу нашли общий язык и вопросы решали легко. А были они очень разные. Вот один из самых забавных: зная, что Лебедь благоволит к православию, архиерей выступил с инициативой, которая повергла генерала и его верхнее окружение в легкий ступор. Епископ попросил профинансировать создание «православной кролиководческой фермы» миллионов этак за двадцать. При всей любви к православию, Александр Иванович финансировать разведение православных кроликов как-то не очень захотел. Но и как грамотно отказать, тоже не знал. Вот и пришлось писать мне официальную бумажку по этому поводу. В конце концов, меня пригласили в кабинет к еще одному загадочному человеку, которого у нас все называли «серым кардиналом». Там мне было предложено вернуться во власть, стать его личным консультантом, с особыми условиями и полномочиями. В подкрепление своего предложения мне вручили уже оформленное удостоверение новой должности со всеми печатями и подписями и.. командировочное удостоверение для поездки в РАГС на ближайшую конференцию. На что я вежливо ответила, что в РАГС я и так уже лечу, а насчет предложения, спасибо, подумаю. Это удостоверение и до сего дня валяется где-то в моих обширных архивах. Потому что еще до начала этой беседы я уже точно знала, что в кабинеты здешние, ни на каких условиях больше не хочу. Уж извините...

Третья серия лебедевского призыва во власть связана для меня с именем человека удивительного, которого пригласили откуда-то с Алтая специально для курирования религиозных и общественных объединений. Мои любимые коллеги из администрации не преминули позвонить мне и весело сообщить, что новый специалист по делам религий по образованию и вовсе... ветеринар! Вскоре он сам пригласил меня познакомиться. Теперь – то я понимаю, что гордыня, это не только грех, но главное – величайшая глупость. Но тогда... Я заявила к нему в кабинет только для того, чтобы сообщить Марку Геннадьевичу Денисову, что еще только вот под началом ветеринара я религиозной проблематикой не занималась. Он выслушал меня как-то очень спокойно и с интересом... Я же через некоторое время с искренним удивлением убедилась в том, что незаменимых у нас и вправду нет, и что новый комитет работает в нашей сфере достаточно грамотно и ровно. Теперь, правда, вопросами религии в администрации занимался уже целый отдел, пять человек, специализирующихся на конкретных направлениях. Вскоре Марк Геннадьевич поступил на религиоведческое отделение РАГС, где пользовался всеобщим уважением, и блестяще его закончил. Спустя еще пару лет, когда страсти поутихли, этот человек оказался единственным руководителем из команды Лебеда, который был оставлен в команде Хлопонина. И тут волей-неволей, работая в одной сфере, мы вынуждены были снова пересечься. Приезжали коллеги из Москвы с большим семинаром, и готовить и проводить его нам пришлось вместе. Так вот, наш второй в жизни разговор состоялся за обеденным столом, во время перерыва. Где Марк Геннадьевич добродушно заметил: «А вас ведь дезинформировали.. я вовсе и не ветеринар.. я и вообще.. ихтиолог. Рыбовод по первому образованию. Но это не важно, по какой специальности ты получаешь образование.. Важно КАКОЕ образование ты получаешь. Все мои первые профессора были замечательными личностями и прекрасными наставниками». Сегодня, спустя почти десять лет после этого второго разговора я улыбаюсь, думая о том, какая неожиданная штука жизнь. Марк Геннадьевич Денисов, теперь Уполномоченный по правам человека в Красноярском крае, один из самых любимых преподавателей у студентов моей кафедры религиоведения. Один из самых интересных и мудрых собеседников,

и даже некоторое время один из лучших моих аспирантов.

Что до моих сегодняшних контактов с властью, то они продолжают периодически случаться. По разным темам. От экспертирования уголовных преступлений, до социологического изучения состояния дел в системе образования и воспитания, от комментариев по поводу тех или иных событийных прецедентов, до чтения лекций таможенникам или работникам силовых структур по вопросам религиозного экстремизма.

Теперь, о методе сбора информации. Вы знаете, в советской/российской социологии не очень густо, но использовались разные схемы включенного наблюдения... Как бы Вы назвали примененную Вами процедуру? Как Вы к ней пришли? В каких случаях Вы рекомендовали бы ученым обратиться к Вашему опыту...?

Первое, что пришло на ум – бородатый социологический анекдот. Рассказывают, что однажды к Эванс-Причарду явился один из его учеников, трепетно ожидавший вопросов мэтра о степени его подготовленности к полевому исследованию. Вопросов ему было задано два: не забыл ли он взять с собой тетрадь и карандаш для записей, и готов ли он пить со своими информантами.

Если серьезно, то фундаментальные методы в моем случае так и остались фундаментальными. Нас обучали общей стратегии проведения социологических исследований еще в вузе, но, наверное, более значимым для меня было то, что все студенты моего отца не могли прийти на зачет без дневника посещения той или иной религиозной общины. Я эти дневники из любопытства осваивала, с папиными же комментариями, еще до института. А потом, когда моя собственная группа готовилась ему сдавать зачет, мы все, не сговариваясь, дотянули до последнего и отправились, в итоге, к адвентистам седьмого дня. Общинка у них была тогда маленькая и располагалась почти в центре, в крыле домика по улице Игарской, который они арендовали у братьев – православных. Наша доблестная кампания пришла пораньше и уселась в молитвенной комнате, заняв практически все места. Бедные адвентисты все собрание кротко кучковались у входа и вели программу фактически для нас, нерадивых. И тогда же отец говорил мне о том, что невозможно изучать религию, не чувствуя людей, эмоциональной и духовной атмосферы, не понимая внутренних смыслов происходящего. Прежде чем писать о методах, хочется пару слов сказать и о методологии.

Нас учили видеть в частном и даже сугубо личном, объективно-исторические социальные детерминанты и проекции. Что породило англиканскую церковь? Любовь Генриха восьмого к Анне Болейн или контекст разворачивавшейся реформации? В моем видении правильный ответ: и одно и другое. Но второе важнее. Ведь нашего Ивана Грозного ортодоксальное православие не остановило в его матримониально – садистских эксцессах, и даже не притормозило... Так же как и папу Александра шестого его ортодоксальное католичество. Нас учили видеть за деревьями лес, видеть целостность и детерминанты движущегося и изменяющегося социального процесса. Методологический кризис западной социологии с его стыдливими дескриптивно – фиксирующими методами, вызывает у меня ассоциацию с выражением, которое стало у нас модным только после перестройки «это не мои проблемы». Социальные факты и социальные коллизии? – так, всяческие частности, рождающие новые частности, в контексте слабо прогнозируемых или вовсе непрогнозируемых и, следовательно, абстрактно – стихийных социальных протуберанцев.. В свете все того же постмодернизма, только слегка извне и сбоку.

Нас учили другому, например тому, что в нашей стране у нас у всех проблемы общие. И с ними можно и нужно что-то осмысленно делать, искать и находить

верные методы, ибо всякая проблема – это, по сути, задача, требующая грамотного решения. А критерий истины – социальная практика и ее реальные последствия (прошу прощения за столь материалистический идеализм). И еще нас учили видеть человека. Не абстрактного «субъекта», а личность, такого же, как и ты сам, но иного и нуждающегося в понимании или для меня, или для него, или для всех нас, потому что все мы «в одной лодке». Может быть, потому, что наша страна полиэтнична, а ментальность соборна, изучать кого-то в жесткой поляризации субъект - объектных отношений представлялось мне, мягко говоря, позицией не слишком этичной. Хотя и с пониманием, как достаточно практичной, инструментальной и даже, быть может, эффективной... В целерациональной парадигме, рождающей инструментализм, аномию и угрозу вырождения целым народам. Поэтому да, «понимающая социология», да, антропологическая парадигма, но с поправкой на исторический объективизм. И снова о методах. Да, позитивизм, да, протоколируемость, да, сбор и анализ максимального количества и разнообразного качества источников информации, документов на любых видах носителей. Только вот столь универсально используемый Интернет, как основной или единственный источник объективной и полной информации (имея ввиду и сайты самих религиозных сообществ), вызывает у меня значительные сомнения, неоднократно проверяемые и подтверждаемые практикой.

Базовым методом было и остается живое, полевое социологическое наблюдение. И включенное и невключенное, и открытое и закрытое, и прямое и косвенное с жесткой, последовательной фиксацией всего, что относится к объекту и предмету исследования. В соответствии с целями и задачами собственно научного изучения конкретных феноменов.

Причем, мой опыт показывает, что иногда, открытое и невключенное наблюдение может дать информации не меньше, а даже больше, чем закрытое включенное. Все зависит от конкретной ситуации. Приведу буквально пару примеров из своей практики. Когда в августе 1994 года я согласилась принять участие в работе первой официальной комиссии администрации Красноярского края по изучению нового религиозного движения последователей Виссариона Минусинского, то отправиться в Курагинский район я решила не с членами комиссии на черных «Волгах», а своим ходом и посмотреть на ситуацию, что называется «изнутри». Пришла на городскую виссарионовскую тусовку по объявлению на ближайшем столбе и уже через пару дней ехала на встречу с лидером движения в Курагино. Там по субботам происходил конвейерный прием страждущих, которых «гуру» посылал кого подальше, кого поближе – в одно из его поселений, разбросанных по трем близлежащим районам. Несколько напрягало меня то, что за полгода до этого я весьма несерьезно вела себя на первой такой аудиенции в Минусинске, куда мы съездили с группой разношерстных ньюэйджеров. Когда американка - бахаи Джанет Кестер очень вежливо и серьезно спросила нашего Сергея Анатольевича Торопа: «А вы правда уверены в том, что вы – Христос?», сохранить полностью приличное выражение лица у меня просто не получилось. Но в Курагино все обошлось. Когда я блеющим голосом, покрытая красными пятнами, робко спросила у Виссариона: «..а вы меня не помните?..», он снисходительно улыбнулся и прокомментировал что-то вроде: «много вас таких тут ходит, всех не упомнишь..», что сразу меня и успокоило. Послал он меня в деревню Журавлево, где следующие четыре дня я наблюдала за происходящим и знакомилась с народом в качестве рядового потенциального последователя. Кое-что узнала, но не так чтобы слишком много. И уже собралась было уезжать... как руководством общинного поселения было объявлено, что «к нам едет ревизор, сиречь комиссия из администрации края и надо решить, о чем им говорить, а о чем – нет». Ух ты! Вот это здорово! – подумала я и решила немного подзадержаться. Вечером собралось тридцать девять человек, из них двадцать один мужчина, и стали обсуждать: «а вот про то облако на молении, когда

оно засияло, а потом радуга... это комиссии говорить не будем... а то еще решат, что мы тут все чокнутые... А про шерсть, которую мы закупили, и из которой мы хотели коллективно нитки прясть и носки вязать, а потом женщины не договорились и вся шерсть погнила... тоже не будем... Эх, а помните, мы еще такой мостик красивый хотели построить... Давайте расскажем им, какие мы все дружные... И это..., еще: почему не все сегодня пришли? Давайте на следующий сбор закрепим за активом тех, кто не пришел, и будем за ними заходить и приводить! И вот: мы же женсовет никак не выберем, давайте сейчас и проголосуем!». Чем дольше я все это слушала, тем веселее мне становилась, и тем отчетливее было впечатление, что где-то и не однажды я это все уже наблюдала. Ну, конечно же! Когда под занавес этого бурного собрания кто-то взял гитару и все вдохновенно запели: «Я в мир удивительный этот пришел, отваге и правде учиться, единственный друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положииться!!!» – все стало ясно-понятно. Перед тем как разойтись, было предложено представиться всем новеньким, поскольку тогда еще со всей страны народ подъезжал и подъезжал. По кругу вставали и отрекомендовывались прибывшие из разных мест, моя очередь была последней. Народ уже потихоньку елозил, привставал, посматривал на часы, переговаривался... Когда я кротким голосом сообщила, что вообще-то люди мы местные.. из Красноярска.. интересующиеся.. и .. я и есть та самая комиссия из администрации края! Финальная сцена гоголевского «Ревизора»: все ахнули и замерли в тех позах, в которых застало их это неожиданное сообщение. А дальше... дружный громовой хохот и бурные коллективные аплодисменты. Интуиция меня не подвела, и ребята оценили репризу с соответствующим восторгом!

В последующие два дня я увидела и узнала столько, сколько при закрытых включенных наблюдениях могла бы не узнать и за месяц. До этого я жила в своеобразном «общежитии» для вновь прибывших – опустевшем детском садике, снятом с государственного финансирования, где народа было довольно мало, а тут меня потащили знакомиться по всем домам. Причем увидеть пришлось и много такого, что не только проясняло ситуацию, но показывало и ее проблемные зоны. Вот один из наиболее жестких эпизодов и для меня и для верующих. Чтобы переписать и отдать мне несколько видеокассет с материалами о жизни общины, каковых всегда снималось очень много (а в те первые годы еще и без внутренней цензуры), меня пригласили в гости к Лене З., московской художнице... Дверь домика нам открыла молодая женщина, в длинном платье, с толсто забинтованными ступнями. На мой вопрос она небрежно ответила: «Ах это? Обыкновенная чистка.. всякая грязь выходит..». Словечко «чистка» из ньюэйджевской лексики мне тогда уже было хорошо знакомо. В темноватой, после уличного солнца, комнате, я пошла к окошку на чьи-то слабые стоны.. В кроватке лежала девочка лет семи с закрытыми глазами, в жару, тяжело дыша, вся покрытая гниющими язвами и болячками, слегка замазанными зеленкой. «У нее тоже чистка!, – бодро заявила мамаша, – да, температура есть, около сорока, а как же иначе – вся греховная грязь выгорает..., нет, врача не вызывала, и на порог не пушу! Учитель же сказал, что это мы сейчас пройдем, а при трансмутации космоса все остальные вымрут, а мы омолодимся... Ну а если умрет.. значит, карма такая.. учитель же сказал, что просто тело поменяется и ничего страшного...». На следующий день в этот домик по улице Лесной приехала бригада медиков, девочку госпитализировали, семью начали лечить, диагностировав стафилококковую инфекцию. И, конечно же, с моей подачи. А как бы вы поступили в такой ситуации? С позиции нейтрально-научной наблюдающей социологии? Когда через полтора года мы проводили комплексное исследование ситуации в центральных поселениях вассарионовцев, то большую часть наших специалистов в комиссии составили именно медики. Обнаружили и массовые дерматологические инфекции, и проблемные прививки у детей (район этот – один из самых неблагополучных по туберкулезу), у многих людей были выявлены

впервые образовавшиеся камни в почках, им всем были переданы соответствующие медицинские заключения. Причины последнего мы указали две: повышенную минерализацию воды в местных колонках и ограничение жидкости в рационе последователей, в связи с тогдашней рекомендацией Виссариона как можно меньше пить, перейдя на... свежесжатые соки. Себе, вероятно, он такую роскошь позволить мог... После нашей комиссии, «мессия» снял ограничения на потребление жидкости и ряд продуктов, в том числе молочных и много на что еще... Последние десять лет он и вовсе предпочитает не только не ссориться с властями, но и сотрудничать, где это только возможно..

К вопросу о качественных методах исследования. Знакомство с разнообразными зарубежными социологическими теориями на эту тему, особенно после появления интернета и информационного прорыва произошло спонтанно и одновременно. Впечатление от обилия новой и интересной информации было примерно такое же, как у того персонажа из анекдота, которому случайно попал в руки энциклопедический медицинский справочник. Все описанные симптомы всех существующих диагнозов у самого себя были с большим интересом и увлечением выявлены. Кроме, единственно, внематочной беременности и то только потому, что он был мужчиной...

При некотором желании, зарисовки подобные приведенной выше, которых в моей коллекции достаточно большое количество, можно интерпретировать и в свете этнографического (антропологического) метода, и как иллюстрацию в духе драматургической социологии Гарфинкеля, и как версию драматической социологии с использованием метода наблюдающего участия по Алексееву... Кейс-стади? Конечно. Биографическое тематическое интервью? — непременно! Глубокое и длительное погружение в повседневный мир верующего? — разумеется! и многое другое тако же..

Стой лишь оговоркой, что многие годы своей научной деятельности, на практике используя едва ли не весь комплекс качественных методов исследования, прежде всего для выявления сути происходящих процессов и обнаружения глубинных личностных мотиваций, я не считала в принципе возможным публиковать имеющиеся у меня материалы личного характера, касающиеся моих информантов. Даже то небольшое, что я здесь рассказываю, публикуется впервые, до этого я использовала такого рода примеры только устно и только на лекциях по социологии религии для своих студентов

Практически во всех моих научных публикациях, будь то статьи, монографии или обе диссертации в качестве подтверждающего или объясняющего материала используются в основном цифры — результаты и показатели разнообразных количественных исследований, данные опросников и анкет, документы самого разнообразного типа, безусловно фиксирующие те или иные конкретные факты надличностного характера.

Почему? По целому ряду причин. Во-первых, исходя из этических соображений в отношении своих информантов. Люди мне доверились, открылись, что-то рассказали о себе. И даже не «что-то», а очень и очень личные вещи, включая интимные. Для меня многое стало проясняться. Но я не могу публиковать, запротоколировав и предъявив некие отдельные или уникальные ситуации и судьбы в качестве серьезного объясняющего аргумента, тем более, универсального. Хотя повторяющиеся ряды фактов такого рода многое выявляют. Болезни, чаще всего онкология... Когда хватаются за любую соломинку. Чаще гибнут, но иногда все же исцеляются или консервируют процесс. Мировоззренческие надломы. Психологические травмы. Сексуальные проблемы.. Однажды ко мне обратилась женщина, взрослого сына которой чуть живого, почти умирающего с весом около сорока килограммов, при росте сто семьдесят сантиметров, привезли домой из одной маленькой, но весьма заметной религиозной общины в окрестностях нашего города. Все документы, включая результаты сразу сделанных анализов, эта женщина мне не передала, и их предъявить могу, если

возникнет такая необходимость. У парня, как и у большинства членов этой религиозной группы – жесточайшая аутоагрессия, на первый взгляд ничем не мотивированная. Едва поднявшись, он снова стал рваться туда обратно... к своей молодой жене. Людей там было всего пара десятков, все молодые, активные и, на внешний взгляд, чрезмерно аскетично – фанатичные. Все из хороших семей, вчерашние студенты, до этого совершенно обыкновенные, социально адаптированные. И вдруг, ни с того, ни с сего ударившиеся в какую-то очень странную религию. Здесь – посты, больше похожие на перманентное голодание, едва ли не круглосуточные молитвенные бдения, покаяния, ледяные обливания, тяжелейшая выматывающая работа в виде послушаний, холодный плохо отапливаемый дом, «братско-сестринские» отношения между супругами... Так и хочется про «кодирование-зомбирование» вернуть – сразу станет «все понятно»: и кто виноват, и что делать. Пришлось зайти туда при помощи все того же метода закрытых включенных наблюдений. Просто потому, что иначе никак понять происходящее не удавалось. Через несколько недель, влившись полностью в жизнь этой маленькой группы, была открыта совершенно неожиданная вещь – все эти молодые люди и девушки имели сходные проблемы со здоровьем, которые переживались всеми и каждым как личная катастрофа. У девушек поголовно, не излечивающиеся эндометриты и эндометриозы, делающие супружескую жизнь почти невозможной и при любых раскладах – бесплодие, у юношей – импотенция на фоне различных поставленных и не поставленных диагнозов. Отсюда – истовое монашество, рефрейминг в сторону «особой избранности богом», жесточайшая аскеза, плавно перетекающая в отчаявшееся, но внешне бодрое и социально активное, религиозно окрашенное растянутое, медленное самоуничтожение. Откуда эти заболевания – бог весть: экология, образ жизни, да и психосоматику никто не отменял, но.. Попробуйте их переубедить и объяснить, что надо вернуться в город и жить как все... не имея надежды на самое для них главное – семью, супружескую любовь и близость, родных детей. Которых хотят, о которых мечтают, точнее – запрещают себе мечтать. И попробуйте написать строго научную статью по поводу выявленных субъективных мотиваций нетрадиционной религиозной конверсии. Да, это известные социологам – качественникам проблемы депривации и стигматизации, но в данном случае – скрытой, стыдливо – мучительной, прячущейся, не желающей собственного публичного обнаружения ни под каким видом. Такого рода примеров множество, и когда я что-то очень небольшое могу рассказать, то обычно добавляю: быть может в глубокой старости, если удастся дожить, я напишу большую повесть о людях, которых я встречала в этих общинах, об их, таких непростых решениях и судьбах.

Во-вторых, материалы качественных исследований всегда рассматривались мною только как сырье, необходимое для формирования гипотезы и ее дальнейшей тщательной перепроверки. Чего я не понимаю в социологии, да, собственно, к ней и не отношу, так это бездоказательную беллетристику, сколь бы завораживающей и привлекательной она не казалась, и эмоционально окрашенный нормативизм. Да, кейс-стади классная вещь, очень яркая, живая, увлекательная. Иногда многое и очень многое проясняющая. Но если я скорблю о погибшей от артрита и истощения Жене Колпакчи, всеми преданной и брошенной в собственной религиозной общине, то я не имею права игнорировать тот факт, что сотни других людей, постепенно адаптировавшихся различными способами, продолжают здесь жить, рожать детей, строить дома и не желают возвращаться обратно в тот «реальный мир», из которого они когда – то эмигрировали в нашу сибирскую тайгу. Из огня, да в полымя... «Я предпочитаю умереть здесь, чем жить с вами, в вашей мерзости, там» – этот эмоциональный тезис я слышала неоднократно из уст многих «сектантов» и от Жени в частности... Когда я пишу все это, то отдаю себе отчет, что данный текст, будучи биографическим

интервью, а не моей научной публикацией, в большей степени характеризует меня, нежели объект моего научного исследования. Поэтому и эмоциональные пассажи здесь себе позволяю.

То же самое могу проиллюстрировать и с позиции снова популярного в нашей религиоведческой среде феноменологического подхода. Иногда в исследовательской практике встречались ситуации и вопросы, ответы на которые не удавалось получить никаким из известных социологических методов.. Например, я многие годы никак не могла понять, что находят в своем лидере – Виссарионе его последователи, люди в массе образованные, зрелые, умные и интересные. Каждый раз, просматривая и прослушивая множество записей с его выступлениями и, особенно, оказываясь регулярно (2-3 раза в год) на его живой проповеди я никак не понимала, что так влечет к нему его паству. Тягучие и монотонные рассуждения обо всем и ни о чем. Многочасовой льющийся бесструктурный словесный поток, который у меня вызывал только утомление, раздражение и непонимание. И стоящие на коленях, замершие в тихом блаженстве, расплывшиеся в умилении вчерашние летчик – испытатель и директор юрмальского санатория, чиновник белорусского министерства путей сообщения и учительницы начальных классов, владелец успешного питерского бизнеса и инженер с Уралмаша. Вариант возможного ответа пришел, как водится, совершенно неожиданно.

Весной 2002 года ушел из жизни Николай Антонович Трофимчук, мой руководитель, наставник и соратник. Его уход я пережила очень тяжело. Возникло чувство, что обрушилось то, на чем мы стояли крепко, рядом с ним. Кафедра религиоведения РАГСА, открытая им в 1994 году, все последующие годы была единственным центром реальных религиоведческих социологических исследований в нашей постсоветской стране. Показалось, что центр рухнул и все разваливается за ненадобностью. С его уходом мы осиротели. И навалилась тяжелая депрессия. Состояние для меня редкое и не типичное. Осенью, как обычно, я пришла в аудиторию на вводное занятие по своей родной теме – новым религиозным движениям. Привычным жестом включила видеокассету с обзорной записью по теме, где мелькали лица наиболее известных «гуру», которую я знала чуть ли не наизусть и, сев на заднюю парту, отключилась, погрузившись в сумрачную апатию. Но вдруг... я почувствовала, что мне становится легче. Словно кто-то мягкой, ласковой лапкой гладит душу и проникновенно говорит: не горюй... Все будет хорошо, все уже хорошо... я с тобой... Тебе уже легче, все проходит... Вот тут я мгновенно отрефлексовала, включила мозги, стяхнула непонятную пришлую эмоцию и резко вынырнула во внешний мир. Это лилось с экрана. Виссарион мягко вещал что-то вроде: «да... конец света уже идет, скоро все погибнут, это трансформация, это нормально...». Но моей психике было все равно, что именно он говорит. Важно было – как он это делает, и как я это почувствовала. Такой вот одномоментный резонанс. И если допустить, что это типичная ответная реакция депрессивной психики на данную интонацию, то тогда все его выступления – это непрекращающийся эмоциональный кайф для внимающих.. Такое вот психологически-эмоциональное обезболивание.. Такой вот «опиум народа».. с таким вот специфическим харизматизмом.. Мне снова стало интересно. Вскоре я занялась созданием собственной кафедры религиоведения, которой руковожу и по сей день. Но могу ли я на основании данного эпизода делать обоснованные объективные выводы о природе влияния Торопа на своих последователей? Боюсь, что опять же – нет. В описанном случае все слишком субъективно и ситуативно.

Да, для меня и сегодня остается идеалом и принципиальным методологическим основанием требование максимально возможной объективности исследования, которое только и делает науку наукой. Хотя прекрасно понимаю, что «все мы люди, все мы человеки» и никакой субъект не может быть абсолютно, стопроцентно объективным по определению. Возможно именно потому, что сама я достаточно эмоциональна

и использую эту свою черту характера в качестве эффективного инструмента (но только и именно инструмента!), там, где это, на мой взгляд, уместно и оправданно. Например, в общении, в своих устных выступлениях, в разъяснении чего-то очень важного и личностного на лекциях, или в целях популяризации.. Но стараюсь никогда — в качестве серьезного аргумента или основания для научных оценок и выводов.

И еще немного о профессиональной этике и непреодолимых барьерах в освоении всего исследовательского поля социологии религии, особенно же в моей теме — практическом исследовании ньюэйджевских культов.

Как правило, этические кодексы социологов связаны, прежде всего, с конфиденциальностью информантов, не причинением им вольного или невольного зла, компенсацией их участия в процессе исследования и т. д. Или с проблемами ангажированности или неангажированности самого исследователя. Но иногда возникают и иные ситуации. Например, проблема личной неприкосновенности самого социолога и его право на собственную этическую автономию. Году в 2003 у нас в городе стали появляться «анастасийцы», последователи Мегрэ — Пузакова. Их первая официальная группа была зарегистрирована Минюстом в статусе общественного экологическо-просветительского объединения с лирическим названием «Весна». Мой приход к ним не мог уже остаться незамеченным. Личико мое теперь регулярно мелькало по телевизору с разнообразными религиоведческими комментариями, а в группе, конечно же, оказались люди из разных других однотипных объединений, меня давно знавших. Однако, первое напряжение в мою сторону у народа быстро прошло и я, как всегда, легко и с удовольствием включилась было в культовые действия: медитации на свечу, очищение ауры и тому подобное. Но, входя все активнее и глубже в эти вещи, вскоре я попала в непредсказуемую ситуацию. Однажды было предложено «поработать с энергиями». Все (восемнадцать человек), встали в круг по принципу мальчик — девочка, и, держась за руки, мысленно стали «передавать энергию» сперва по часовой стрелке, потом против, и делиться своими ощущениями. Все было нормально. А вот затем нам велели развернуться направо и начать массировать спину впереди стоящего, а тебе, соответственно, то же самое делал стоящий позади. Замечу, что я вообще терпеть не могу, чтобы меня касались, тем более малознакомые мужчины. Стиснув зубы, во имя науки я решила сие действие пережить, но когда дело дошло до обсуждений, честно сказала, что все это мне страшно неприятно и что продолжать этот эксперимент дальше не хочу. Какое мощное, искреннее, проникновенное сочувствие я получила в ответ от всей этой замечательной группы! Мне хором объяснили, что у меня заблокированы жизненно важные энергетические каналы и их нужно срочно прочистить. Что это комплексы и травмы детского возраста, что мне помогут и меня от меня спасут. Для этого в ближайшее воскресенье все отправляются на чью-то дачу, где в коллективной сибирской бане мне вернут первозданную природную простоту и раскрепощенность. Больше в эту чудную группу я уже, естественно, не пришла. Так же пришлось отказаться и от исследования группы сатанистов, которое мне было в упор предложено одной из его участниц. Я даже проверять не стала, насколько реальным могло быть содержание этого приглашения. И так далее и тому подобное. У каждого исследователя существует свой уровень этических барьеров, позволяющий работать по методу включенных наблюдений. Так же, как и свой уровень экономических возможностей для того же самого. Я всегда посмеивалась, что моя работа, на самом деле — мое дорогостоящее хобби. Спасибо семье, которая всегда в моих путях меня поддерживала. Совмещая приятное с полезным, путешествия с исследованиями, я позволяла себе периодически приличные траты на эти цели. Однако, в последние десять лет и в нашей стране все активнее и напористей нишу ньюэйджевских культов стали занимать культы коммерческие. Бесплатно, как и полагается по законам

маркетинга, только первое занятие. Норбековцы и сайентологи, радостейцы Дуни Марченко и неоязычники, всяческие йоги и эзотерики теперь уже бодро машут солидными прайсами, зазывая на свои поляны не за интерес, а за звонкую монету. Тут уж точно никакой зарплаты не хватит, по крайней мере российского профессора. Так что, в ряде случаев только опосредованное знакомство и остается. А жаль..

Ну и последняя часть вопроса: в каких случаях я рекомендовала бы ученым обратиться к моему опыту.. Мне кажется, что ученый – это человек, который уже сформировал свои взгляды, умения, навыки и является профессионалом, а то и первооткрывателем в какой-то конкретной сфере. А я уже девять лет обучаю всему вышеописанному своих учеников – студентов кафедры религиоведения. Первую курсовую работу все будущие специалисты – религиоведы пишут у нас на втором курсе по социологии религии и только под моим руководством. Таково официальное решение кафедры. Перед этим мы полтора года их тщательно готовим. Наша любимая шуточка по данному поводу – бедные религиоведы! Им-то уж никак готовую работу по своей теме не купить, потому что все работы основываются только на полевых конкретных исследованиях. Конечно, и способности, и интересы у всех разные. Но научные методы, это методы инструментальные и воспроизводимые, проверяемые и подтверждаемые. Большая часть наших дипломных работ так же основывается на реальных исследованиях различных аспектов современной религиозной ситуации. Так жаль, что слишком много места займет даже общий обзор хотя бы наиболее интересных студенческих работ. Поэтому упомяну только самый свежий приятный прецедент. Наша выпускница этого года Марина Глазкова два последних лета провела на Урале, неподалеку от Магнитогорска в археологическом музее – заповеднике Аркаим. Вот уже более десяти лет здесь происходит мощнейшее ньюэйджевское действо, в котором количество участников ежегодно варьируется от шести до пятнадцати тысяч человек. И которое, удивительным образом, словно бы и не существует в сфере знания о насущной действительности современных российских религиоведов, включая и социологов религии. Чудны дела твои, Господи...

Марина, используя все то, чему ее научили на социологии религии, за истекшие два года, будучи еще и профессиональным фотографом, собрала интереснейший полевой материал по данной теме и оформила его в замечательную дипломную работу. В апреле текущего года она отправилась с результатами своих изысканий в МГУ на Ломоносовские чтения, где произвела маленький фурор, получила диплом за лучшее сообщение и место в бюджетной аспирантуре, куда она успешно и поступила. Мы уже ее поздравили, пожелали успеха и будущих новых научных достижений.

На сегодняшний день уже несколько наших талантливых дипломников под моим руководством защитили свои диссертации. В интернете можно найти широкое полемичное обсуждение одной из первых таких работ Татьяны Симанженковой «Движение последователей Рерихов в современной России: философские истоки и тенденции эволюции»: диссертация... кандидата философских наук, защищенная в 2006 году. Здесь, на материалах более чем десятилетнего практического изучения доказывалось, что «рериховцы» в современной России, это не одно какое-то конкретное движение, а букет разнообразных религиозных направлений, весьма различающихся по всем базовым параметрам. От сугубо культурологических, до махово–окултно-мистических. Резонанс в заинтересованных кругах вызвала и работа Елены Дерягиной «Вайшнаизм: процессы трансформации и модернизации в России на рубеже XX-XXI вв», защищенная в 2009 году. Тут мы доказываем, что наши кришнаиты имеют очень мало общего с аутентичным вайшнавским индуистским течением, но по ряду конкретных признаков явно соответствуют ньюэйджевской культовой религиозной модели. Сибирским лютеранам посвящена диссертация Вероники Гиндер, защищенная в 2010 году. Ирина Скоробогатова, работая на нашей

кафедре, написала и защитила в 2011 году под руководством Смирнова Михаила Юрьевича в Санкт – Петербурге замечательную диссертацию «Харизматические церкви в современной России: на материалах Красноярского края». В июне текущего года мой талантливый аспирант Роман Сергиенко защитил одну из первых в России диссертаций по теме «Когнитивные теории религиозного сознания: модели транскультурной репрезентации». Практическая часть исследования проводилась им в общине красноярских кришнаитов – вайшнавов. Сейчас ведется работа еще над несколькими диссертациями. Одним из наиболее интересных, на мой взгляд, является исследование «Христианские церкви и проблема ВИЧ/СПИД в современной России». Его автор Роман Ледков, наш выпускник, христианин, координатор международного центра по профилактике и борьбе с этой «чумой двадцатого века». Человек с очень сложной судьбой, свидетельствующий, что сам пришел к вере через это страшное заболевание, удивительно светлый, искренний, совершенно замечательный, стремительно прогрессирующий в научной области. Практически все эти люди мои близкие и любимые друзья, мои единомышленники и соратники, энтузиасты и работяги. Вся моя кафедра – маленький дружный коллектив из тех, кто ко мне в свое время «примагнитился» и остался рядом, любимые ученики и последователи. Такая вот микросоциология. Ну и напоследок замечу, что методам непосредственно моего авторского исследования посвящено довольно много текста во второй главе диссертации Александры Филькиной «Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции», защищенной в 2009 году в Москве, в Институте социологии РАН [6]. Девушка каким-то непостижимым способом меня разыскала, приехала, записала интервью (она родом из Томска) и сделала в своей работе попытку доброжелательного анализа. Так что, если кому эта тема интересна, то здесь можно найти еще один взгляд на данную проблему.

Спасибо большое, Людмила, за столь интересный, содержательный рассказ о Вашей жизни и работе. Желаю успехов.

Литература

1. Памяти Юлии Юрьевны Синелиной (1972-2013) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 63-64. <http://cdclv.unlv.edu/archives/memoriain/sinelina_13.pdf>.
2. Григорьева Л. И. История возникновения, особенности вероучения и культовой практики, методы воздействия на психику религиозного движения «ЮСМАЛОС» (Белое братство) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом Информационный бюллетень (Москва) / Составитель: Р. А. Лопаткин. 1994. № 2, С. 22-30.
3. Григорьева Л. И. (под псевдонимом И. П. Никитин) Белое Братство - Юсмалос // Этнографическое обозрение. 1995. № 2, С. 128-140.
4. Григорьева Л. И. Свобода совести и актуальные проблемы государственно – правового регулирования деятельности новейших нетрадиционных религиозных объединений. Красноярск, 1999.
5. Атлас современной религиозной жизни России. Отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.; СПб.: «Летний Сад», 2005, том I // Красноярский край.
6. Филькина А. В. Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции. Автореф. дисс. к. соц. н. М.- ИС РАН. 2009.